

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Р. Р. Гниевин

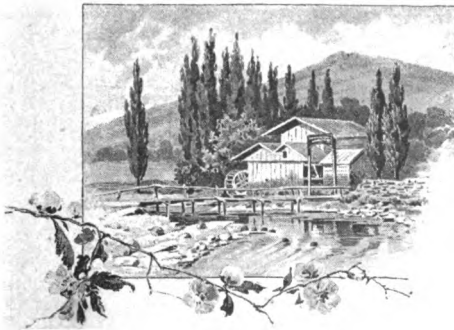
174 р.
илл.

П. П. Финдигъ.

Кавказскіе разсказы

*Пустыня.—Отецъ.—Бѣлые мальчики Асана.—
Счастливый день.*

Съ 71 рисункомъ М. М. ДАЛЬКЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1894

РГЗ 460
. 657К3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 октября 1893 гда

Тип. Высочайше утв. Тов. „Общественная Польза“. Б. Подъяч. 39

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

На французскомъ языкѣ, въ «Collection Guillaumet», уже нѣсколько лѣтъ появляются изданія, украшенныя множествомъ рисунковъ въ самомъ тщательномъ выполненіи въ художественной и технической сторонѣ, при сравнительно недорогой цѣнѣ. Мысль оказалась удачной, и публика встрѣтила ее сочувственно, доказательствомъ чему служитъ то обстоятельство, что нѣкоторые томики этой коллекціи имѣли отъ 100 до 150 изданій.

Тогда же зародилась у насъ идея дать нѣчто подобное и русской публикѣ. Настоящая книжка является результатомъ такою стремленія, и, конечно, не намъ судить, насколько удачно выполненнымъ.

Издатель считаетъ деломъ выразить свою искреннюю признательность автору «Кавказскихъ разсказовъ», сдѣлавшему все возможное,

чтобы доставить полный материалъ для иллюстрацій, равно какъ и художнику М. М. Далекичу, съ любовію исполнившему рисунки,—и проситъ снисхожденія за промахи, неизбежныя въ каждомъ новомъ предпріятіи.

Отъ степени сочувствія публики къ этой попыткѣ будетъ зависть появленіе дальнѣйшихъ томиковъ въ подобномъ же выполненіи.

ПУСТЫНЯ

I.

Они шли по широкой улицѣ станицы. Ей было лѣтъ двадцать пять, быть-можетъ тридцать. Ея темные глаза смотрѣли свѣжо и ясно. Вокругъ этихъ глазъ и вокругъ губъ еще не было замѣтно морщинокъ. Загаръ покрылъ золотымъ матомъ и лицо, и шею, и руки; на ней было легкое платье, сшитое по модѣ столичной портнихой; на грудь она приколола яркій пунцовый цвѣтокъ, рѣзко краснѣвшій на прозрачно-молочной ткани. Она шла красивой, слегка развалистой поступью, какой

ходятъ женщины ея лѣтъ, еще не отяжелѣвшія, но уже утратившія воздушную походку первой молодости. Все лицо ея, освѣщенное матовою полутѣнью отъ зонтика, сіяло счастьемъ и здоровьемъ.

Онъ былъ моложе ея. Черные усы и борода еще не вполне опушили его лицо, и только густыя сросшіяся брови указывали, что восточный типъ развернется впоследствии съ полной силой. Продолговатое лицо, тонкій носъ, каріе глаза съ длинными выгнутыми рѣсницами, коротко-стриженная голова, барашковая шапка и темная черкеска съ серебряными «газырями» по обѣ стороны груди,—все обличало въ немъ горца. Онъ мягко ступалъ сафьянными чувяками, и только иногда вскидывалъ на спутницу своимъ глубокимъ, искрящимся взглядомъ.

Улица была залита горячимъ іюльскимъ солнцемъ. Короткія южныя тѣни отъ деревьевъ ложились пестрымъ узоромъ поперекъ песчаной дорожки, замѣнявшей троттуаръ. Знойный кавказскій полдень загналъ всѣхъ подъ тѣнь—подъ широкіе навѣсы дворовъ, на прохладный сквознякъ бѣлыхъ мазанокъ. Изрѣдка, вдали, въ концѣ улицы, всплывало облако пыли, и загорѣлый кабардинецъ бѣглою иноходью проѣзжалъ по дорогѣ, высоко вздернувъ морду гнѣдого мерина и ласково

похлестывая его нагайкой. Поджарья, остроносыя собаки, высунувъ языки, неподвижно лежали, прижавшись къ стѣнамъ домовъ. Только куры равнодушно бродили, да мухи мелькали взадъ и впередъ въ сіяющей истомѣ раскаленныхъ лучей.

— Вы, Антонина Михайловна, — говорилъ онъ, чисто произнося по-русски и показывая при разговорѣ рядъ бѣлыхъ маленькихъ крѣпкихъ зубовъ, — вы, Антонина Михайловна, на насъ, кавказскихъ горцевъ, развѣ смотрите, какъ на людей? Что я для васъ такое? Просто неудавшійся отставной офицеръ русской службы, торгующій лошадьми. Я для васъ нѣчто вродѣ вашего московскаго кучера.

— Зачѣмъ вы это говорите, Коля! съ полуупрекомъ возразила она, чувствуя, какъ кровь то приливаетъ къ ея щекамъ, то отливаетъ. — Развѣ я позволила когда-нибудь отнositельно васъ...

Онъ сдвинулъ брови. — Я помню, когда въ первый разъ я далъ вамъ, по просьбѣ вашего доктора, верховыхъ лошадей, — сказалъ онъ, нервно поправляя шапку, — какъ вы посмотрѣли на меня. Такъ и видно было, что вы подумали: «ну, ты, какъ тебя, — подсаживай, не знаешь своей обязанности». Если теперь вы удостоиваете меня своей бесѣдой,

*

то потому только, что начитались Лермонтова, и, за неимѣніемъ Печорина, хотите приглядѣться къ первому встрѣчному горцу.

— Вы начинаете говорить дерзости, Коля! крикнула она, притопнувъ ногой, и остановилась.—Какое вы имѣете право... Я не пойду съ вами дальше.

Она хотѣла повернуть назадъ, но онъ схватилъ ее за руку.

— Нѣтъ, ради Бога! тихо проговорилъ онъ,—и въ его голосѣ послышалась мольба.—Ради Бога не уходите. Вы обѣщали заглянуть ко мнѣ. Не возвращайтесь назадъ, пойдемте. Осчастливьте мой уголь, освѣтите его хоть на минуту, на одну минутку. Объ этомъ днѣ я на всю жизнь...

Онъ не договорилъ и запнулся; то выраженіе какой-то собачьей привязанности и

вмѣстѣ трусости, которое вотъ уже третью недѣлю она подмѣчаетъ во взглядѣ

этого сильнаго и красиваго кабардинца, при разговорѣ съ нею, опять появилось въ немъ. Ей ста-

новилося въ такія минуты жалко его до боли. Она колебалась. Рѣсницы ея вздрагивали, какія-то тѣни пробѣгали по лбу. Наконецъ она рѣшилась и твердо, но не говоря ни слова, пошла впередъ. Онъ тоже молчалъ, только зубы стискивалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Здѣсь, проговорилъ онъ, останавливаясь предъширокимъ отверстіемъ въ бѣлой мазаной стѣнѣ.—Что же! зайдете, или все не рѣшаетесь? Бойтесь мужа?

Она окинула его рѣзкимъ взглядомъ, и первая вошла во дворъ. Онъ, торопливо обгоняя ее, сдерживая приливъ своего счастья, перебѣжалъ до мазанки-флигелька и отворилъ низенькую почернѣвшую дверь. Оттуда пахнуло тепломъ, кожей, только-что выпеченымъ хлѣбомъ. Старуха-казачка вошла у какого-то ведра. Дальше—шла глубокая темнота стѣней.

— Вотъ вамъ и дворецъ мой, — насильно улыбаясь, проговорилъ онъ, отворяя дверь въ комнату, гдѣ было немного свѣтлѣе и чище. На постели лежала брошенная бурка. Тутъ же въ углу горой были навалены сѣдла, уздечки, арчаки.—Вотъ и все мое помѣщеніе.

II.

Она старалась подавить въ себѣ поднимавшееся чувство брезгливости, и ей невольно пришло въ голову сравненіе, на которое онъ самъ ее направилъ: какъ хорошо и чисто въ кучерской у нихъ въ Москвѣ. Она даже не выпускала изъ руки слегка подобраннаго платья, точно боясь запачкаться въ этой берлогѣ.

— Здѣсь жарко, и мухъ много,—замѣтивъ ее смущеніе, торопливо заговорилъ онъ.— Пойдемте лучше въ конюшню. Тамъ чудесно.

Лошади у него стояли подъ плетенымъ навѣсомъ, звучно жуя овесъ и обмахиваясь хвостами. Молоденькій конюхъ чистилъ большую гнѣдую кобылу, довольно подставлявшую скребницѣ свои запыленные бока.— Съ боку навѣса, гдѣ горой навалено было душистое свѣжее сѣно и гдѣ была тѣнь отъ конюшни, они остановились.

— Не побрезгаете сѣсть на сѣно? спросилъ онъ, наклоняясь и сбивая его въ сидѣнье возлѣ стѣны.

— Я пить хочу, дайте мнѣ воды, Коля,—сказала она, складывая зонтикъ и тяжело дыша.

Онъ пошелъ опять къ дому; она, оправляя платье, опустилась на сѣно. Здѣсь было, въ самомъ дѣлѣ, хорошо—и не жарко, и тихо, и уютно. Она въ первый разъ поймала себя на томъ, что называла его Колей. Его такъ всѣ звали— всѣ «курсовые», которые жили въ гостинницѣ и покупали у него лошадей. Теперь вдругъ ей показалось неловкимъ это уменьшительное, ласкательное «Коля». Она только сегодня поняла, что вѣдь и онъ такой же мужчина, какъ всѣ эти «курсовые»,— почему же она допускаетъ съ нимъ такую фамильярность?— Онъ нѣсколько образованъ, былъ въ корпусѣ въ Петербургѣ, говоритъ даже немного по французски; по службѣ ему что-то не повезло— онъ вышелъ изъ полка. Теперь, вотъ уже второй мѣсяцъ, она его знаетъ, и за послѣднее время онъ ходитъ за нею по пятамъ, глядя на нее изъ-за угла печальными большими глазами. Въ немъ нѣтъ ни кавказской дикости, ни ухарства, ни молодечества; только когда сидитъ на лошади, онъ выглядитъ настоящимъ джигитомъ. Онъ почти всегда тихъ и грустенъ. Онъ никогда ничего относительно ея не позволилъ, но она знаетъ и понимаетъ, что нравится ему.

Онъ принесъ воду въ чайникѣ.

— Извините, что такъ, безъ стакана, —

сказалъ онъ, опускаясь передъ ней на колѣна.

Она взяла обѣими руками чайникъ. Крышки не было; внутри колыхалась чистая холодная вода.

— Какъ же пить? спросила она въ недоумѣніи.

Онъ засмѣялся ея наивности.—Изъ носика, Антонина Михайловна, какъ же иначе!

Она тоже засмѣялась. Пить черезъ носикъ изъ чайника воду, сидя на сѣнѣ въ гостяхъ у кабардинца—это совсѣмъ не по-московски—и во всякомъ случаѣ оригинально. Вода была такая вкусная, свѣжая.

— Скажите, Коля, — спросила она напившись,—у васъ есть родня?

— Есть—братъ.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ живетъ тамъ дальше, въ горахъ, верстъ сто отсюда. Онъ очень богатый. — Я вамъ покажу его портретъ. Вася,—крикнулъ онъ конюху, — принеси портретъ въ рамкѣ, что на печи виситъ. Живо!—Мы съ нимъ не видимся, прибавилъ онъ.

Вася принесъ фотографію. — Чернобородый высокій, рѣзкаго типа мужчина сидѣлъ на стулѣ. Возлѣ него, опершись о какой-то камень, стояла женщина лѣтъ сорока, красивая, въ амазонкѣ, съ хлыстомъ и въ пенсне.

— Что за знакомое лицо — это кто же? спросила про нее Антонина Михайловна.

— Это жена брата. Чего вы удивляетесь? Это ваша московская — Хохрякова... Богатая. У нея сотни три тысячъ. Она здѣсь безвыѣздно живетъ. — Впрочемъ они не

вѣнчаны, — такъ, — она только съ московскимъ мужемъ развелась. Вы что думаете? У насъ въ Кабардѣ много барынь. По пяти, по шести лѣтъ живутъ. Уйдутъ отъ мужа, дѣтей забудутъ. Здѣсь въ станицѣ есть двѣ такихъ. Ихъ въ Москвѣ умершими считаютъ. Приѣхали на курсъ и остались.

— Коля, что вы рассказываете — быть не может!

— Хотите — сегодня же васъ съ ними познакомлю? Онѣ впрочемъ отъ «курсовыхъ» прячутся — только съ осени начинаютъ выходить на улицу, а то все у себя въ садикѣ сидятъ. — Да, вотъ у насъ какая она, Кабарда! какъ бы хвастаясь, прибавилъ онъ.

— И что же — счастливо живутъ? въ раздумѣ спросила она.

— Иныя — счастливо, другія — нѣтъ. — Мой братъ бьетъ ее... Не хорошо!

Она вздрогнула.

— Что же, она несчастна? Уйти отъ него не можетъ?

— Нѣтъ — онъ гонитъ ее: «Уйди ты, провались со своими деньгами!» Выгонялъ ее сколько разъ. Нѣтъ, опять назадъ приходитъ.

Онъ допилъ изъ чайничка оставшуюся воду и, выплеснувъ остатки за плетень, усѣлся повосточному, скрестивъ ноги.

— А хорошая она женщина, — прибавилъ онъ. — Братъ пьяница, разбойникъ, — и чего она его такъ полюбила! Цѣнить это надо было. Слѣды ея ногъ цѣловать... А онъ разбойничаетъ... Страшное дѣло, что у нихъ только бываетъ.

III.

Въ ворота иноходью-развалкой въѣхалъ всадникъ, гораздо старше Коли, въ простой черкескѣ, съ дорогимъ наборнымъ поясомъ. Подъ нимъ былъ крѣпкій гнѣдой конь съ розовой лысиной на мордѣ и бѣлой бородкой на нижней губѣ. Онъ подѣхалъ прямо къ Колѣ, такъ что копыта лошади почти наступили на платье его гостя.

Коля вскочилъ и поздоровался съ тою азіатской малоуловимой вѣжливостью, которая обозначала, что гость старше его родомъ и дѣлаетъ честь своимъ посѣщеніемъ.

— Не безпокойся, — солидно замѣтилъ барынѣ пріѣхавшій, — лошадь смиренная — сиди смѣло. — Пріѣхалъ сказать, Коля, — продолжалъ онъ, очевидно изъ уваженія къ барынѣ говоря по-русски и дѣлая для этого значительныя усилія, — сегодня ночь — вотъ сегодня ночь — ѣду въ Кармовъ аулъ къ Ужипсѣ по дѣлу. Ѣдешь со мной, — ты хотѣлъ?

— Ѣду. Сказалъ, такъ и ѣду, — съ серьезной важностью отвѣтилъ Коля.

— Много народъ будетъ. Со всѣхъ сторонъ пріѣдутъ. Буза будетъ. — Джигитовка

будеть. Къ Ужипсѣ прямо прїѣдемъ. — Такъ вмѣстѣ ѣдемъ? Какъ разсвѣтъ—такъ и ѣдемъ?

— Хорошо.

— На «Ракетѣ» поѣзжай джигитовать будешь.

Онъ приподнялъ слегка баранью шапку и повернулъ какъ на шкворнѣ коня; свиньи, гулявшія по двору, метнулись всторону и забились куда-то между камнями, подъ фундаментъ мазанки.

— Куда это вы ѣдете, Коля? спросила она. Въ какой аулъ?

— Версть семьдесятъ отсюда. Хотите ѣхать вмѣстѣ? прибавилъ быстро онъ.— Только верхомъ—въ экипажѣ туда не проѣхать. Вы ѣздите отлично—мы живо доскачемъ.

— Кто же еще поѣдетъ?.. Одна я не поѣду...

— Найдутся «курсовые»... Вамъ очень интересно посмотрѣть... У нихъ праздникъ въ воскресенье. И лезгинку, и сандаракъ танцовать будутъ. Бузу вы никогда не пробовали? Это настоящій аулъ: стоитъ на утесахъ, внизу горная рѣчка... А дорога туда какая—прелесть... Поѣдемъ, а?

Онъ ласково-вопросительно заглянулъ ей въ глаза.—Ну, что же?

— Хорошо. Я подумаю, вечером дамъ отвѣтъ.

— Ну, вотъ и ладно.

Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ.

— Пустите! слабо высвобождалась она,— не надо.

— Ахъ, какъ люблю я васъ! внезапно вырвалось у него.

Онъ прислонился къ столбу и закрылъ лицо руками.

— Что съ вами, Коля! Полно глупить, перестаньте,—говорила она съ тѣмъ сознаниемъ довольства, которое охватываетъ женщину послѣ признанія въ любви, сдѣланнаго ей.—Выбросьте вздоръ изъ головы... Если такъ, я съ вами не поѣду.

Онъ поднялъ руки отъ лица. Глаза были полны слезъ.

— Уѣдете вы опять къ себѣ, къ мужу, къ роднымъ—и я опять здѣсь одинъ...

Онъ упалъ возлѣ нея на сѣно, и заплакалъ неудержимымъ судорожнымъ рыданіемъ.

Она быстро поднялась и открыла зонтикъ.

— Успокойтесь,—взволнованно проговорила она, и сдѣлала шага два впередъ, чтобы видѣла ее изъ хаты старая казачка.—

Еслибы я знала, что разговоръ этимъ кончится, я не пришла бы къ вамъ. Пожалуйста, не провожайте меня—это лишнее.

Она, сдерживая порывистое дыханіе, перешла дворъ и вышла на улицу.

Все это случилось такъ быстро, неожидан-

но. — Нѣтъ, отъ такихъ у хаживаній надо держаться подальше. Эти кавказскія страсти не то, что у насъ, сѣверныхъ жителей. Тутъ надо быть осторожной.

И невольно мысли ея пере-

шли на то, что онъ говорилъ объ этихъ барыняхъ, что остались въ Кабардѣ. Неужели же это правда? Оставить все—семью, домъ и уйти въ горы! Навсегда отказаться отъ всего прежняго, и зажечь вотъ такой азиатской жизнью—пить изъ чайника воду, или ту бузу, о которой онъ говорилъ?.. Хорошо поговорить съ этимъ красивымъ кабардинцемъ,

пококетничать, пожалуй, съ нимъ, но жить навсегда среди тѣхъ синихъ горъ, что грозятся тамъ, на горизонтѣ, и которыя хороши только издали, или на декораціяхъ— это ужасно!...

Но опять невольное сравненіе всплыло передъ ней. Ей ясно представляется ея мужъ, занимающій такое солидное положеніе въ обществѣ, такъ всецѣло погруженный въ свои занятія. Онъ возьметъ отпускъ на двадцать восемь дней и пріѣдетъ сюда немного попить номера семнадцатаго и покупаться въ Нарзанѣ. Онъ еще молодъ—ему нѣтъ сорока лѣтъ, онъ любитъ ее—отпустилъ сюда на Кавказъ съ вѣрной горничной, и слѣдитъ за ея здоровьемъ ихъ постоянный докторъ Чибисовъ, живущій въ той же гостиницѣ этажемъ выше ея. Онъ пишетъ ей аккуратно два раза въ недѣлю письма, неизмѣнно начинающіяся обращеніемъ «Дорогая Тоня», и оканчивающіяся всегда подписью «Цѣлую тебя крѣпко. Любящій тебя мужъ Викторъ». Онъ съ неизмѣнной аккуратностью будетъ здѣсь черезъ десять дней, будетъ по вечерамъ винтить съ знакомыми на галереѣ и кататься въ фаэтонахъ, увѣряя, что и онъ участвуетъ въ кавалькадѣ. Докторъ Чибисовъ говоритъ всегда про него: «рыхлый мужъ». Онъ въ самомъ дѣлѣ ка-

кой-то рыхлый: это весьма удачное опредѣленіе.

А Коля... Она совершенно ясно сознавала, что промѣнять мужа на Колю она не въ состояніи, что для жизни къ Кабардѣ она не годится. Но все-таки—отчего же не поѣхать въ ауль съ этимъ горцемъ? Ну, онъ еще два-три раза поцѣлуетъ ея руку. Она уѣдетъ—онъ будетъ «страдать». Да и страданія-то у этихъ кавказцевъ вѣроятно скоропроходящи...

IV.

Уже надвигались сумерки, когда горничная Антонины Михайловны доложила ей, что Чибисовъ, о которомъ она нѣсколько разъ уже справлялась, воротился домой и просить ее къ себѣ. Она поднялась во второй этажъ и постучала у двери, гдѣ на карточкѣ лаконично значилось: «Чибисовъ принимаетъ съ семи утра».—Докторъ оказался сидящимъ по-турецки на диванѣ. Его маленькая кругленькая головка была покрыта феской, во рту онъ держалъ янтарный мундштукъ кальяна, изрѣдка его посасывая. Гладко-выбритый подбородокъ и ровно подстриженные сѣдѣющія бачки гораздо болѣе дѣлали его по-

хожимъ на нѣмца, чѣмъ на восточнаго человека. Впрочемъ онъ восточнымъ человекомъ и не хотѣлъ казаться, а привыкъ къ тахтѣ, кальяну и фескѣ, двадцать лѣтъ подрядъ проживъ на Кавказѣ.

При входѣ барыни, онъ спустилъ свои коротенькія ножки, успѣлъ сдѣлать два-три маленькихъ шажка и даже облобызаль ручку.

— Я за совѣтомъ къ вамъ. Не помѣшала?

Онъ мотнулъ отрицательно головой, поправилъ зеленый абажуръ на свѣчахъ, и опять сѣлъ въ прежнюю позу противъ нея.

— Вы извините, — соблюлъ онъ вѣжливость, — привычка.

— Сидите, — въ первый разъ я васъ вижу, что ли...

Онъ усталъ на нее, ожидая объясненія.

— Что васъ цѣлый день не было? мнѣ одной скучно.

— Въ станицѣ былъ. Бабу рѣзаль. Нарывъ вотъ какой. Все снять пришлось.

— Благополучно?

Онъ утвердительно моргнулъ глазами.

— Андрей Андреевичъ,—мнѣ скучно. Не съ кѣмъ слова сказать. Генералы и московскіе купцы мнѣ не интересны—а больше здѣсь никого...

— Потерпите: скоро мужъ пріѣдетъ.

— Удивительно весело!

Глаза его прищурились и засмѣялись, хотя лицо осталось серьезнымъ.

— Ну да, конечно,—сказаль онъ.—Пятый годъ женаты, слава Богу. Пора и честь знать. Только я вамъ никого здѣсь порекомендовать не могу.

— Что вы мнѣ за гадости говорите, какъ вы смѣете! крикнула она.

Онъ вдругъ потянулся съ дивана черезъ столъ. — Дайте-ка пульсъ. Ого! — Бьетъ дробь. Чего-же это вы?

— Что?

— Да ничего. — Чѣмъ я виноватъ, что вы молоды. Ходитъ жизнь въ васъ и наружу просится. Тутъ ужъ ничего не подѣлать.

— Я васъ, докторъ, знаю съ пеленокъ, а

до сихъ поръ понять не могу—какъ вы смотрите на жизнь, на меня, на мужа... Повидимому вы его любите, а сами...

Докторъ утонулъ въ синеватой табачной дымкѣ, такъ что нѣсколько секундъ лица его не было видно. Когда дымъ разсѣялся, лицо снова было безстрастно и спокойно.

— Я созерцаю, какъ индѣйскій йоги, врачу болящихъ, а въ философію не пускаюсь,—проговорилъ онъ.

— Вы сочувствуете браку?

Онъ пожалъ плечами.—Отчего же,—при законномъ семейномъ очагѣ всегда бываетъ болѣе или менѣе порядочный домашній столъ.

Она нетерпѣливо повернулась на стулѣ.— Ее онъ бѣсилъ. Онъ говорилъ совсѣмъ не то, что она хотѣла.—Вы опять за свою противную манеру разговаривать?

— Ну, нѣтъ, для стараго холостяка, какъ я, домашній столъ—большое дѣло.

Она оперлась на локти и внимательно посмотрѣла на него.

— А отчего вы старый холостякъ? Отчего вы не женились?

Онъ вынулъ янтарь изо-рта и, задумчиво посмотрѣвъ въ потолокъ, проговорилъ:

— Такъ, что-то ни разу не захотѣлось.

*

— Нѣтъ, вы отъ меня такъ не отвяжетесь: говорите, отчего вы не женаты?

— Оттого что я не желалъ бы, чтобы моя жена скучала, вотъ какъ вы теперь. — Онъ вдругъ воодушевился и замахалъ своими пухлыми ручками, точно ловилъ что въ воз-

духъ. Оттого что я самолюбивъ, себялюбивъ, и чортъ меня знаетъ еще что. Еслибъ я женился, я бы требовалъ, чтобъ жена молилась на меня, потому что нѣтъ лучше меня существа въ мірѣ. А такъ какъ нѣтъ такой дуры, которая этому бы повѣрила, такъ я вотъ и сижу здѣсь одинъ, бонзой, самъ себѣ ои-

міамъ воскуряю. Вотъ отчего я не женатъ. Экономку въ домѣ еще готовъ держать — и то затѣмъ, чтобы стерлядей покупать дешевле, — а ужъ вотъ такую, какъ вы — merci!

Онъ тяжело задышалъ, утомленный и раз-

серженный на себя, что доставил себѣ столько труда, выговаривая совершенно ненужныя слова и цѣлыя предложенія.

— Фу, какой вы сегодня,—сморщась, сказала она.

— Мало я видалъ васъ, какъ же! бурчалъ онъ, уже на два тона ниже. — Вѣдь и ко мнѣ, когда я былъ помоложе, обращались: «Ахъ, я несчастная, ахъ, я не понята!»

— Что же вы?

— Утѣшалъ, какъ умѣлъ.—У животныхъ этого не бываетъ—утѣшенія-то;—это только у нашей породы: путемъ высшаго мозгового процесса додумываемся до необходимости совершить подлость. А впрочемъ кто ихъ знаетъ—подлость ли это. Все вѣдь отъ взгляда зависитъ...

— Ну, а вашъ взглядъ? покусывая кончики своего платка, спросила она.

— Да вѣдь и нашъ братъ—свинья порядочная. Какъ посмотришь со стороны на мужей, такъ и подумаешь: такъ тебѣ, скоту, и надо—роговой оркестръ, тушь въ честь того, что ты животное...

— Однако настроеніе у васъ сегодня!

— Я всегда таковъ.

Они помолчали.

— Вы знаете, здѣсь, въ аулахъ, живетъ

у кабардинцевъ много нашихъ дамъ изъ общества?

— Знаю. Лѣчилъ ихъ. — Вы что же? Въ аулъ захотѣли?

Она густо покраснѣла.

— Нѣтъ. Я собиралась только проѣхать туда — на праздникъ. Хотѣла спросить у васъ совѣта — ѣхать ли?

— Другими словами, — поднимая брови, сказалъ онъ, — вы хотите, чтобъ я не говорилъ мужу объ этой поѣздкѣ?

Она ни одной минуты не думала объ этомъ. Но онъ ей подсказалъ далекую, ей самой неясную, затаенную мысль.

— Я никогда лишняго никому не говорю, — продолжалъ онъ. — Да и кто же узнаеть? Зачѣмъ благовѣстить о томъ, куда и по какой причинѣ вы ѣдете.

— Андрей Андреевичъ, — строго сказала она, вставая: — вы привыкли говорить здѣсь съ курсовыми дамами — но я къ такимъ разговорамъ не привыкла. Ваши намеки дерзки — слышите, дерзки. И больше говорить съ вами я не желаю.

Онъ опять потянулся къ ней.

— Дайте-ка пульсъ.

Она отвернулась и быстро вышла изъ комнаты.

V.

Она шла по
ярко освѣщен-
ной, устланой
краснымъ сук-
номъ лѣстницѣ
внизъ къ себѣ
въ номеръ, и да-
же слѣда гнѣва

не оставалось на ея лицѣ. Внизу, у зерка-
ла, она остановилась и внимательно посмо-
трѣла на себя. Румянецъ еще игралъ
на щекахъ, глаза сверкали ярче обы-
кновеннаго. Изъ-подъ накинутого на плечи
оренбургскаго платка выступали пухленькія

молочныя руки съ розовенькими, вылощенными ногтями. Прическа слегка измялась, но и эта небрежность къ ней шла. Она знала, что именно въ эту минуту она хороша и можетъ нравиться мужчинамъ. Она чувствовала, что ея красота—не цыплячья нѣжность расцвѣтающей дѣвочки, а полный пышный расцвѣтъ женщины, уже пять лѣтъ бывшей замужемъ и не имѣвшей дѣтей. И съ сознаниемъ своей красоты, она увѣренной и смѣлой походкой пошла черезъ стеклянныя двери къ своей комнатѣ.

У самой двери она встрѣтилась съ Колей. Сердце ея вдругъ сжалось. Она почувствовала, что эта встрѣча будетъ безповоротная, что надо будетъ сейчасъ уйти и постараться никогда болѣе не встрѣчаться съ этимъ кабардинцемъ. Вся его фигура была полна страстью. Той собачьей жалобной любви, которая сквозила въ его выраженіи еще утромъ—не было и помина. Онъ стоялъ передъ ней смѣло и самоувѣренно. Это не былъ тотъ рыхлый Викторъ, который дѣлалъ ей предложеніе, точно исполнялъ какую-то служебную командировку. Предъ ней стоялъ человѣкъ свободный отъ всѣхъ условностей ихъ городской служебной жизни, человѣкъ, у котораго одно было цѣлью—страсть; у котораго весь смыслъ существо-

ванія сосредоточивался въ вопросѣ обла- данія той женщиной, отъ которой онъ не могъ оторвать взгляда. Еслибы ея мужу по- ставлено было препятствіе, — онъ либо обо- шель бы его съ ловкостью европейца, либо отказался отъ того, достиженіе чего сопря- жено съ извѣстными усиліями. Этотъ кабар- динецъ пойдетъ на проломъ: убьетъ, самъ умретъ, если будетъ нужно, — не станетъ сохранять жизнь, столь необходимую мини- стерству, какъ жизнь Виктора.

Эти мысли неслись бурей въ ея головѣ, когда стояла она передъ нимъ, вся дрожа и кутаясь въ платокъ. Она ждала, чтобы онъ заговорилъ. И онъ заговорилъ.

— Вы обѣщали дать сегодня вечеромъ отвѣтъ: ѣдете ли въ аулъ. Мнѣ надо знать заранѣе: лошадямъ съ вечера засыпать овса — путь дальній.

— Гдѣ же моя Саша? спросила она у проходящей горничной. — Позовите Сашу; мнѣ она нужна.

— Саша къ портнихѣ пошла, — отвѣ- тила горничная: — сказала, что вы ее по- слали.

Она, правда, послала ее къ портнихѣ за- шить разорванную амазонку. Сама судьба была противъ нея.

— Зажгите у меня огонь. Вотъ вамъ ключъ.

Она осталась въ корридорѣ и ждала, пока горничная зажигала свѣчи. Коля стоялъ блѣдный, впившись въ нее глазами.

— Пожалуйте, — сказала горничная, — свѣтло.

Она дрожа вошла въ комнату. Она не звала его войти за ней. Но она слышала, что и онъ вошелъ. Она слышала, какъ ключъ два раза повернулся за нею. Она хотѣла вскрикнуть и не могла. Весеннее, жгучее, молодое опьяненіе охватило ее. Она остановилась на серединѣ комнаты.

— Вы спрашиваете меня, поѣду ли я въ аулъ? спросила она, чувствуя, съ какимъ трудомъ выговариваетъ слова.—Нѣтъ, я не поѣду.

— Не поѣдете, нѣтъ? растерянно спросилъ онъ,—и опять что-то жалкое разлилось по его лицу. Но это была мимолетная слабость. Брови его сдвинулись, зубы сжались.

— Какъ не поѣдешь? Какъ не поѣдешь? шепталъ онъ, подходя къ ней.—Слышишь, ты должна ѣхать,—иначе...

Она со слабымъ вскрикомъ кинулась въ уголъ. Но онъ и тутъ сталъ передъ нею.

— А! такъ ты не поѣдешь! Онъ взялъ ее за плечи и встряхнулъ; она почувствовала на себѣ его сильныя, мускулистыя руки. Она видѣла близко-близко отъ себя

его лицо.—Зачѣмъ же ты приходила ко мнѣ, зачѣмъ я, какъ сумасшедшій, двухъ лошадей загналъ сегодня въ степи?

Онъ обнялъ ее поверхъ ея рукъ и крѣпко стиснулъ. Она не могла болѣе стоять на ногахъ. Она только чувствовала его жаркое дыханіе у себя на щекѣ, прикосновеніе его горячихъ влажныхъ губъ, чувствовала, какъ она отдѣлилась отъ земли, лежитъ у него на рукахъ и какъ онъ тихо и бережно несетъ ее чрезъ комнату и что-то шепчетъ ласковое, хорошее, и она прильнула къ нему, — какъ бывало прижималась къ старушкѣ-нянѣ, когда она ее сонную уносила въ ея дѣтскую кроватку.

VI.

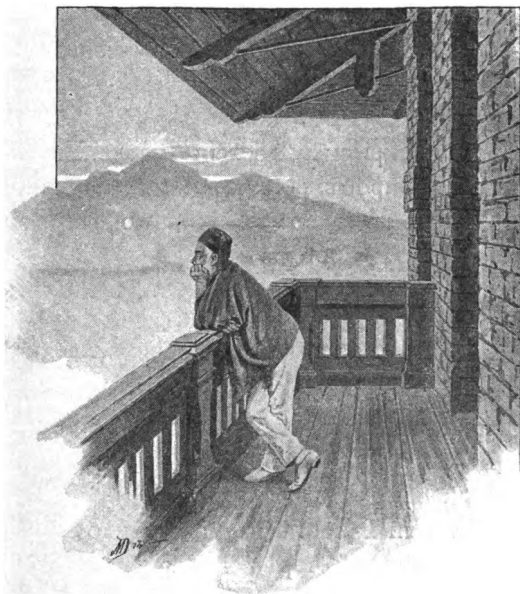
Въ эту ночь, съ двѣнадцати до двухъ, она опять сидѣла у доктора. Онъ хотѣлъ спать, но сдерживался, сосалъ кальянь, изрѣдка открывалъ глаза шире обыкновеннаго и смотрѣлъ на ея радостно-возбужденное лицо. Она звала его непремѣнно ѣхать съ нею въ аулъ. Онъ отказывался.

— Куда я поѣду! Бузу ихъ поганую пить? Трястись сто верстъ на лошади? Я лучше завалюсь спать, чѣмъ туда ѣхать. Вы другое дѣло — и молоды, да и вся сегодня на пружинахъ.

— Я не боюсь — я хоть на край свѣта поѣду!

Пока она сидѣла, ему невыносимо хотѣлось спать. Когда она ушла, и онъ легъ въ кровать, разныя мысли, одна на перегонку другой, закружились въ его мозгу. Ночь была душна. Сквозь неспущенные занавѣсы оконъ глядѣли въ комнату огромныя южныя фосфорическія звѣзды. Онѣ стали блекнуть, передвигаться къ западу, а онъ все не спалъ. Потомъ онъ услышалъ конскій топотъ у подъѣзда гостинницы, услышалъ голосъ Коли, что-то кому-то говорившій. Сонъ

совсѣмъ отлетѣлъ. Онъ закутался въ пледъ и вышелъ на балконъ своего номера. Разсвѣтъ уже обозначился тамъ, далеко, надъ клубившейся туманомъ степью. Желтоваторозовые отблески уже скользили по отрогамъ

Бештау. Въ полутъмѣ кони звучно прикусывали удила и топали ногами. Онъ видѣлъ смутные лиловые силуэты фигуръ въ буркахъ, сидѣвшихъ на этихъ коняхъ. Потомъ онъ различилъ привычными къ разсвѣтнымъ

сумеркамъ глазами, какъ Антонина Михайловна вышла на крыльцо въ своей амазонкѣ, и какъ посадили ее на большую темную лошадь. Коля накиннулъ ей на плечи бурку, и Чибисову показалось, что онъ сказалъ ей «ты». Потомъ подковы застучали о камни, и Коля громко проговорилъ:

— Пока прохладно, карьеромъ поѣдемъ, — живо до Кисловодска доскачемъ — а тамъ отдыхъ.

Силуэты скрылись за зеленью парка. Утренній холодъ пробѣжалъ дрожью по спинѣ доктора. Онъ заперъ балконную дверь и легъ опять въ постель.

— Да, вотъ, извольте видѣть, какой-нибудь хамъ-азіатъ, и запускаетъ лапу на такую... — ворчалъ онъ на себя. — И подѣломъ: не будь чиновникомъ, не рыскай лѣтомъ по столичнымъ садамъ и вертепамъ...

Онъ билъ кулакомъ неловко положенную подушку и напрягался заснуть.

— Старый холостякъ, — приходило ему въ голову: — старый чортъ, который только и можетъ, что нарывы на боку прорѣзать изъ чувства альтруизма... Никогда не имѣтъ возможности притти къ женщинѣ, законно и полно тебѣ принадлежащей... И вѣдь были, сколько разъ были случаи!.. Нѣтъ — надо, видите ли, сохранить вольность стараго хо-

лостяка! Ну вотъ, вотъ и дождался, — что же, весело—хорошо?

Сквозь надвигавшуюся путаницу смутныхъ сновидѣній, онъ услышалъ подъ окнами звонъ бубенчиковъ подѣхавшаго экипажа.

— Дня имъ мало, подумалъ онъ; — по ночамъ рыщутъ, подлещы!

Онъ закутался въ одѣяло съ головою.

— Съ пикника, надо думать. На воды тоже лѣчиться пріѣзжаютъ! продолжалъ онъ свои размышленія и невольно прислушивался къ смутному шуму на подѣздѣ.

Потомъ все умолкло. Онъ сталъ засыпать. Ему такъ ясно нарисовался тотъ семейный очагъ, который такъ хорошо умѣютъ изображать англійскіе романисты: таганъ съ водой весело кипитъ, старинные часы мѣрно оповѣщаютъ кукушкой пройденное время; у очага сидитъ молодая няня съ ребенкомъ. Хозяйка, тоже молодая, полная, красивая, возится съ ужиномъ. А изъ двери входитъ и самъ хозяинъ—весь заиндѣвѣвшій отъ рождественскаго мороза, но веселый, оживленный, любящій жену. Звонкій поцѣлуй оглашаетъ высокою темную комнату, и сколько веселья, тепла, счастья, радости у этого семейнаго очага!.. И вдругъ въ комнату врывается стукъ, какой-то по-

сторонній, ненужный стукъ. Онъ мѣшаетъ общей картинѣ сна, и Чибисовъ сознаетъ это отлично. Онъ отгоняетъ этотъ стукъ, говоритъ, что онъ не хочетъ его слышать, и что, какъ это и прежде бывало, нить сновидѣній должна уступить его требованію. Но стукъ повторяется еще громче, настойчивѣе.

Онъ открылъ глаза. Стучать въ дверь. Часы показываютъ четыре. За дверью чьи то голоса.

— Кто тамъ?

— Отвори, Андрей, это я!

Голосъ знакомый, но съ просонья онъ не можетъ опредѣлить—чей. Пациентъ какой-нибудь, но кто же съ нимъ на «ты»?

Онъ отперъ дверь. Предъ нимъ стоялъ Викторъ—блѣдный, возбужденный, съ блѣгающими глазами.

— Можно? я тебѣ помѣшалъ. Ради Бога—гдѣжена? Саша не знаетъ... Я пріѣхалъ, говорятъ, только-что уѣхали верхами... Что это? Съ кѣмъ, куда? Я опоздалъ съ поѣзда. Я четыре часа стоялъ въ степи — у меня сломался экипажъ...

Чибисовъ силился притти въ себя и сообразить, чтò сонъ, что нѣтъ. Онъ кинулся за перегородку и началъ надѣвать панталоны.

— Андрей, вѣдь это что же! Постой, мо-

жетъ быть, все это очень глупо, что я дѣлаю. Она, можетъ быть, къ знакомымъ... или куда... Ради Бога... Мнѣ говорятъ, она съ какимъ-то офицеромъ Колей...

— Какой тамъ офицеръ, — разсердился Чибисовъ, — просто юнкеръ... Успокойся ты первымъ долгомъ. Всѣ вы, мужья—глупѣйшіе звѣри. Ну, что изъ того, что жена поѣхала съ проводникомъ ночью? Еслибы она хотѣла тебѣ измѣнить, такъ, полагаю, это можно было бы сдѣлать вечеромъ... Сиди больше въ Москвѣ, такъ не то будетъ.

Викторъ схватилъ попавшійся подъ руки стулъ и пустилъ имъ объ полъ. Двѣ ножки вылетѣли.

— Да ты съ ума спятилъ, — крикнулъ на него докторъ. Вѣдь у меня о-бокъ живетъ генеральша съ блуждающей почкой, а ты ночью стулья ломаешь. Ну, что случилось? Велика важность, что на пикникъ жена поѣхала! Да тамъ еще тридцать другихъ барынь, можетъ быть, съ нею ѣдетъ.

О тридцати барыняхъ Чибисовъ прибавилъ уже по внезапному вдохновенію, думая этимъ успокоить Виктора.

— Смотри, какъ тебѣ кровь въ виски стучить, говорилъ онъ, усадивъ гостя на диванъ.—Растолстѣлъ ты тамъ на своемъ вице-директорскомъ стулѣ. Того и гляди еще

кондрашка хватить. Ну, полно, вздоръ. Хочешь кахетинскаго стаканъ? Доброе вино. Выпей.

Викторъ взялъ бутылку и, не дождавшись стакана, сдѣлалъ изъ горлышка нѣсколько глотковъ.

VII.

Черезъ полчаса онъ нѣсколько успокоился. Онъ сталъ сдаваться на убѣжденія Чибисова, что напрасно волновался, что если онъ хочетъ непременно повидаться теперь съ женой, то стоитъ нанять курьерскую тройку и догнать ее. Послали напротивъ на почту. Но какое-то неясное шемащее чувство продолжало сжимать его сердце. Онъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ женѣ, нарочно не сообщилъ ей, что отпускъ полученъ имъ ранѣе, и, не смотря на ночную пору, поскакалъ къ ней проселкомъ. За девять верстъ коляска обломила ось, пришлось стоять, поджидая встрѣчнаго или попутнаго обоза. Неперпѣніе его все усиливалось, и когда на разсвѣтѣ онъ подѣзжалъ къ сонной гостиницѣ, ему казалось, что онъ такъ любитъ жену, какъ никогда не любилъ, даже въ первый день ихъ свадьбы; мысль о томъ, что онъ сегодня весь остатокъ ночи проведетъ

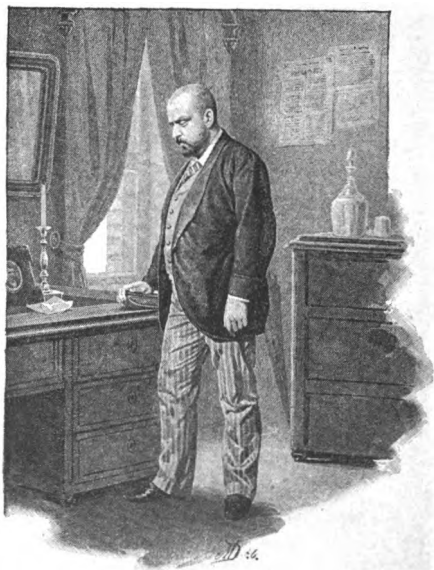
съ нею, наполняла его всего чувствомъ пылкой и живой радости. Онъ старался угадать, за которой изъ спущенныхъ сторъ спитъ она, и какъ обрадуется она его прїѣзду. На вопросъ сонному швейцару—гдѣ живетъ она, тотъ равнодушно отвѣтилъ: «живутъ-то въ номерѣ четвертомъ, а только онѣ только-что, вотъ часа нѣтъ, какъ уѣхали». Онъ бросился въ номеръ. Саша, оказавшаяся на барыниной постели, перепугалась, и отъ нея ничего нельзя было добиться, кромѣ того, что барыни нѣту—уѣхала съ офицеромъ на два дня. Слова Чибисова его нѣсколько успокоили. Онъ давно уже не испытывалъ тако-го прилива ревности, какъ теперь,—ревности какой-то инстинктивной, ни на чемъ не основанной. Онъ не чувствовалъ ни усталости послѣ безсонной ночи, ни желанія выпить чего-нибудь горячаго, онъ такъ продрогъ въ степи, когда они стояли возлѣ сломанной коляски. Онъ думалъ объ одномъ—поскорѣй бы подали лошадей, чтобы летѣть впередъ во что бы то ни стало, а тамъ—будь что будетъ.

Онъ вынулъ свой дорожный револьверъ и, потихоньку отъ доктора, осмотрѣлъ его барабанъ. Заряды были всѣ на мѣ-

стѣ. Онъ ничего не думалъ, не рисовалъ себѣ будущаго, но положилъ себѣ въ карманъ револьверъ машинально, съ твердымъ сознаниемъ, что такъ надо. Потомъ онъ опять пошелъ къ ней въ комнату. Тамъ все жило и дышало ею. Вотъ ея утренній персидскій капоть, ея духи, ея дорожный несессеръ возлѣ складнаго зеркала на комодѣ; вотъ и его портретъ на столѣ въ знакомой рамкѣ. И тутъ же, въ малиновомъ плюшевомъ бюварѣ, начатая записка—всего четыре слова, зачеркнутыя,—вѣрно не понадобились: «Пріѣзжай къ тремъ, амазонка гот...».

Саша, все съ тѣмъ же испуганнымъ недоумѣніемъ на лицѣ сказала, что лошади поданы. Докторъ—по южному—въ бѣломъ картузѣ и буркѣ ждалъ уже на подъѣз-

дѣ. Прозябшая тройка тронула, гостинница промелькнула и осталась позади.

— Ишь ты какъ его разносить! думалъ про себя Чибисовъ, поглядывая искоса на пріятеля.— Попался вице-директоръ! Будешь въ другой разъ жену одну оставлять? Спать только не дали; — то сперва одна, теперь вотъ этотъ. Какія они рожи другъ на друга будутъ корчить — вице-директоръ и кабардинецъ?

Солнце уже взошло и залило холмы золотисто-пурпуровымъ свѣтомъ. Еще холодныя голубыя тѣни лежали на косъ отъ хатъ и раинъ. Далекія снѣговыя горы, какъ огненные призраки, недвижно стояли въ дымившейся тучами дали. Первые отроги хребта зелеными пологими откосами обнимали до рогу. Все еще спало—только рѣчка звенѣла въ сторонѣ, прорываясь между камнями и тростникомъ.

— Ты въ первый разъ въ этомъ краѣ? спросилъ докторъ.

— Въ первый, нехотя отвѣчалъ онъ, — и больше уже они не говорили всю дорогу.

Викторъ все смотрѣлъ вдаль, куда зигзагами убѣгала дорога. Верста мчалась за верстой — какъ мчатся онѣ только навстрѣчу русской курьерской тройкѣ. Наконецъ, сверху одного изъ холмовъ показался и Кисло-

водскъ со своими тополями, стоявшими по казенному въ рядъ, какъ строй заштатныхъ инвалидовъ.

— Что же, гдѣ жъ они? безпокойно спросилъ Викторъ, оглядывая оставшійся передъ нимъ кусокъ дороги до вѣзда въ мѣстечко.

— А вотъ, сейчасъ поищемъ, отвѣтилъ Чибисовъ.

При самомъ вѣздѣ въ Кисловодскъ, имѣющемъ видъ скорѣе неопрятный, чѣмъ живописный, расположился какой-то «садикъ» съ вывѣской «Фриштики европейскіе и азіатскіе, отпускаютъ и на дома». Чибисовъ зналъ, что это излюбленное мѣсто стоянки проводниковъ—потому что тутъ можно дешево выпить и закусить. Они вышли изъ экипажа и по мостику, переброшенному черезъ пѣнистую рѣчку, вошли въ «садикъ».

Народу еще не было. Между деревьями на проволоках покачивались бумажные фонари. У одного дерева лежал привязанный козель. Крупный щенок бродил тоскливо между пустыми стульями и столиками. Доктор отправился прямо в буфет наводить справки.

— Полчаса назад, не больше, проехала дама с двумя кабардинцами. Один из них был Коля. Они сидели вот здесь, за столом, в беседке, пили чай, ели бутерброды, а Коля пил пиво.— Виктор Иванович как-то странно поводил голову, слушая доклад лакея.

— Что же, надо ехать дальше, сказал онъ.

— Дальше проезда нетъ в экипажѣ, — возразил докторъ.

— Я поеду верхомъ, отвѣтил Викторъ.

— Да вѣдь ты плохо ѣдишь?

— Нѣтъ, когда-то я ѣздилъ хорошо.

— Но ты знаешь ли, что тамъ? Докторъ показалъ рукой по направлению къ горамъ. — Тамъ пус-

тыня. Намъ придется ѣхать пустыней, гдѣ на шесть часовъ пути не встрѣтишь человѣка.

— Если тамъ ѣдетъ жена, тамъ могу проѣхать и я. Тебя я не прошу ѣхать. До-стань мнѣ только проводника и лошадей, я заплачу, что хочешь. Но только скорѣй,— мнѣ каждая минута дорогá.

Чибиговъ посмотрѣлъ на его помутившіеся глаза и на складки, что появились на лбу.

— Мой тебѣ совѣтъ — останься и жди здѣсь. Я пошлю въ аулъ — и они вернутся немедленно.

— Я ѣду самъ — ты слышишь?

Докторъ пробурлилъ что-то про себя и пошелъ разыскивать проводника.

VIII.

Когда онъ возвратился съ проводникомъ и двумя лошадьми, онъ засталъ пріятеля за бутылкой коньяку. Онъ молча и сосредоточенно пилъ, изрѣдка хватаясь за голову.

— Викторъ, еще есть время, сказалъ Чибиговъ. — Подумай — едва-ли мы на пути

ихъ догонимъ: вѣдь это версть семьдесятъ. Наконецъ, насъ туда не звали, а съ непрошеными гостями азіаты не церемонятся. Ты посмотри, на какую высоту намъ надо итти.

Онъ показалъ ему навѣрхъ, на хребетъ громоздившихся надъ ними горъ.

— Зачѣмъ же тебѣ ѣхать, оставайся, — небрежно сказалъ Викторъ Ивановичъ, и пошелъ по тому направленію, гдѣ стояли лошади.

— Да, дожидайся! оставлю я тебя! сердито про-
бормоталъ Чиби-
совъ и, бросивъ
лакею бумажку, от-
правился за своимъ
пріятелемъ.

Ни тотъ, ни другой не были готовы къ верховой ѣздѣ — даже длинныхъ сапоговъ у нихъ не было. Вдобавокъ, Виктору Ивановичу приходилось впервые садиться на азіатское сѣдло, на туго набитую подушку. Сзда сѣдель лежали скатанныя бурки. Стремена были длинны и неудобны.

— Бери ногойку, — посовѣтовалъ док-

торъ,—здѣсь такая выѣздка—безъ ногайки лошадь не поидеть.

Онъ машинально взялъ и ногайку.—Скорѣй бы, скорѣе тронуться!

— Не пускай, баринъ, вскачь! крикнулъ ему проводникъ. — Устанетъ лошадь — сядемъ на полдорогѣ. Будешь вскачь ѣхать — съ сѣдла сниму.

Въ другое время, онъ, можетъ быть, обратилъ бы вниманіе на грубый тонъ азіата, но теперь ему было все равно, лишь бы скорѣе, скорѣе доѣхать.

Они вытянулись цѣпью и, перейдя бродъ, стали вздыматься на гору. Высокія скалы сразу обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и загородили кругозоры. Лошади шли привычной иноходью—«ходой», какъ говорятъ на Кавказѣ. Проводникъ ѣхалъ впередъ, заломивъ баранью шапку, на поджаромъ конѣ, бойко выбивавшемъ дробь ногами.

— Ты замѣчаешь, —заговорилъ докторъ, выравниваясь съ лошадью пріятеля,—ты замѣчаешь этотъ опредѣленный тактъ, который даетъ мѣрная иноходь? ты слушай: совершенный мотивъ лезгинки. Я убѣжденъ, что лезгинка вышла отсюда, отъ кавказскихъ иноходцевъ. Слышишь: тара-тата, тара-та.

Викторъ Ивановичъ напрегъ свое вниманіе,—но онъ не помнилъ мотива лезгинки и

помнить его не хотѣлъ—поэтому ничего не замѣчалъ въ иноходи лошади, кромѣ трясущихся ушей и мѣрно позвякивающей уздечки.

— Послушай, сказалъ онъ. — Что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ, еслибы жена тебѣ измѣнила?

— Я бы назвалъ себя дуракомъ, спокойно отвѣтилъ Чибисовъ.

— То-есть какъ это?

— Если я выбиралъ ее въ жены, я долженъ былъ знать, кого беру. Если же она не сумѣла быть тѣмъ, чѣмъ нужно — значитъ была сдѣлана мною ошибка. Тутъ вѣдь что-нибудь одно изъ двухъ: или я стою того, чтобы меня обманывать, или жена дрянъ. Въ обоихъ случаяхъ виноватъ я: зачѣмъ дрянъ бралъ, или зачѣмъ самъ дрянъ.

Викторъ Ивановичъ нахмурился.

— Знаешь мой совѣтъ тебѣ? продолжалъ докторъ. — Догонимъ мы ихъ — на дорогѣ ли, въ аулѣ — все равно — не разыгрывай Отелло: право, это нейдетъ къ твоему сану. И то уже смѣшно, что московскій директоръ департамента скачетъ за женою по степямъ и горамъ.

— Что же тутъ смѣшного? спросилъ онъ.

— Смѣшно, со стороны очень смѣшно. У

насъ это совсѣмъ не принято. Я знаю, что у тебя въ душѣ растетъ драма, и обстановка къ этому грандіозная, — а все это какъ-будто не то. У насъ, русскихъ, нѣтъ этого въ крови, что у иностранцевъ, или у здѣшнихъ кабардинцевъ: кинжалъ, скрежетъ зубовой: «Га, зло-

дѣй — теперь лежи!» У насъ это все какъ-то попросту. Пырнетъ въ бокъ сапожнымъ ножомъ, потомъ на колѣни: «Вяжите меня, окаяннаго, люди добрые!» вотъ тебѣ и вся драма.

— Къ чему ты все это ведешь? спросилъ Викторъ Ивановичъ.

— А къ тому, мой другъ, что не лучше ли все свести на водевиль? Ты посмотри на себя: дорожный котелокъ, пиджакъ, панталоны поднялись въ стременахъ—это ли фигура героя?—Я не знаю, что ты тамъ намѣренъ дѣлать, но во всякомъ случаѣ ты на ложномъ пути...

Тропинка стала настолько узкой, что доктору пришлось пропустить пріятеля впередъ. Внизъ, направо шли крупными изломами скалы, слѣва подымалась круча желтовато-коричневой скалы. Мѣстами камни принимали формы башенъ, воротъ, фронтоновъ и карнизовъ. Внизу, глубоко въ долину, цвѣтными точками двигались стада. — Путники подымались уступами все выше и выше. Снѣговая масса Эльбруса двуконечной жемчужной шапкой вздымалась справа и какъ царственной короной увѣнчивала хребетъ. Воздухъ сталъ рѣже, сердце стало биться усиленнѣе, дыханіе стало чаще. Горные цвѣты, то желтые, то розовые, высоко

подымали свои головки, задѣвая за ноги и за плечи путниковъ. Солнце подымалось все выше, тѣни становились все короче. — Одинокія арбы съ бѣлыми волами иногда попадались имъ на встрѣчу. Какой-то джигитъ на сѣромъ конѣ обогналъ ихъ и, перекинувшись нѣсколькими словами съ проводникомъ, исчезъ гдѣ-то за поворотомъ скалы.

Прохладныя балки, всѣ поросшія травой, съ свѣтлыми ручейками, порою разливающимися въ болото, освѣжали ихъ на время. Лошади, почуявъ воду, шли бодрѣе, пофыркивая и поводя ушами. — Сначала показавшееся Виктору Ивановичу ловкимъ, сѣдло теперь сдѣлалось узко. Задняя лука невыносимо напирала на него при спускахъ. Стоять все время на стременахъ онъ не могъ: ноги безъ того уже дрожали. — Докторъ, привычный къ верховой ѣздѣ, сидѣлъ на лошади, какъ на стулѣ, иногда подбирая подъ себя свои ножки или перекидывая одну черезъ луку и продолжая путь по-дамски. Проводникъ былъ по-прежнему хмуръ и неразговорчивъ. Онъ ѣхалъ все впередъ, изрѣдка оглядываясь — выбирая, гдѣ легче ступать лошадямъ и зорко посматривая въ туманную колыхающуюся даль голубыхъ вершинъ, куда направлялся ихъ путь.

IX.

А путь все выше,
выше. Орелъ паритъ
надъ балкой неподале-
ку отъ нихъ. Бѣлое облако проплываетъ
надъ ними, цѣпляясь за скалы. — Ароматъ
отъ цвѣтовъ все сильнѣе, все меньше вѣтер-
ка, все жгучѣе лучи солнца.

Викторъ чувствуетъ, какъ сильнѣе и силь-
нѣе приливаетъ кровь ему къ головѣ. Онъ
машинально натягиваетъ поводья и чаще
ударяетъ ногойкой лошадь, которая ступа-
етъ уже не такъ увѣренно, какъ вначалѣ.
Какія то зеленоватыя мухи и оводы но-
сятся тучей надъ ними и жалятъ лошадей.
Лошади вздрагиваютъ всѣмъ тѣломъ, вски-
дываютъ головой, хватаютъ зубами себя за
грудь и ноги. Мѣстами показалась изъ ранъ
кровь; ногойки тоже въ крови.

— Слушай, Викторъ,—началь опять докторъ, подѣзжая къ нему.—Въ дорогѣ намъ ихъ не догнать. У нихъ лошади крѣпче: ихъ вчера выдержали и весь вечеръ кормили. Наши лошади вчера ходили на Бермамутъ—и отъ нихъ нельзя требовать невозможнаго. Мы приѣдемъ въ аулъ часа въ три, если все будемъ итти ходою — они будутъ часа на два раньше. Насъ тамъ не ждутъ. Аулъ это, помни, настоящій магометанскій — я не думаю, чтобы насъ тамъ любили... Не вздумай крикнуть или приказать что-нибудь. Гости тамъ подъ священной охраной—ни женѣ, ни этому Колѣ ты, все равно, даже сказать ничего не можешь. Не забудь—мы въ Азій. Если ты думаешь, что здѣсь Европа—ты глубоко заблуждаешься. Повторяю, держи ухо востро... Возвращаться уже нечего—надо итти впередъ. Верстъ черезъ шесть будетъ источникъ, тамъ напоимъ коней — а оттуда пойдетъ пустыня.

Викторъ Ивановичъ низко опустилъ голову. Кровь то опускалась, то поднималась въ немъ. Иногда ему казалось, что онъ спитъ, и что всѣ эти горы, цвѣты и облака только сновидѣніе и не больше. Что онъ все еще ѣдетъ туда, на Кавказъ, къ своей женѣ, — и приѣдетъ къ ней, и она обрадуется, кинется къ нему. А вотъ это, что вокругъ—это все

смутный сонъ какого-то демона, который хочет смутить его, отравить радость свиданія.

Проводникъ пустилъ своего скакуна карьеромъ по узкой тропинкѣ межъ двухъ стѣнъ колыхающихся цвѣтовъ, и на ходу оглянувшись, крикнулъ:

— Вода!

Въ нагорной балкѣ изъ-подъ камня выбивалась холодная струя чистаго ручейка. Лошадей оставили наверху, связавъ ихъ другъ съ другомъ. Викторъ съ трудомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ — отъ долгой ѣзды ноги его онѣмѣли, — боль въ икрахъ и колѣнахъ не давала ступить.

— Это вздоръ, сейчасъ пройдетъ, утѣшилъ докторъ, помогая ему спуститься внизъ. У источника они легли на землю. Проводникъ прямо прильнулъ губами къ водѣ.

— Ну, давай пить, какъ войско Гедеоново, — сказалъ Чибисовъ, — кто пригоршней, кто прямо...

Даже проводникъ, и тотъ съ удовольствіемъ растянулся у воды, разостлавъ подъ себя бурку. Солнце близилось уже къ полудню. Тѣни стали отъ всего короткія — все получило тотъ бѣлесоватый жгучій оттѣнокъ, какимъ отличается южный полдень. Круглыя облака, какъ «мечты почиющей природы»,

неслись тихо и плавно въ потерявшемъ цвѣтъ отъ яркаго свѣта небѣ. Истома охватила всѣхъ, желаніе не двигаться, не говорить, а только лежать и дышать тихо-тихо.

Викторъ Ивановичъ пересталъ сознать, что дѣлается, зачѣмъ и почему. Онъ не за-

крывалъ глазъ, смотрѣлъ на небо и горы—и никакихъ мыслей у него не было. Одинъ мигъ ему пришло въ голову, что онъ умеръ и остался съ открытыми глазами, что и небо и горы запечатлѣлись въ его глазахъ и застыли.—«Есть жена, или нѣтъ ея?» вдругъ задалъ онъ себѣ вопросъ и началъ добираться тяжело, съ трудомъ до отвѣта. Добираться

ся приходилось через горы и балки, и все-таки отвѣта не было. — Голубья вершины горъ смотрѣли безучастно. Онѣ много разъ видѣли мужей, которые задавали этотъ же вопросъ—и никогда не было на него отвѣта.

— Пустыня! внезапно для самого себя сказалъ онъ. — Это «пустыня» отдалось какъ-то странно и беззвучно кругомъ.

Проводникъ всталъ, посмотрѣлъ на мѣстѣ ли лошади, оглядѣлся и пошелъ на вершину зеленого холмика. Тамъ онъ что-то высматривалъ между камнями. Потомъ онъ воротился съ кускомъ какой-то тряпки.

— Только-что предъ нами здѣсь были,—сказалъ онъ,—и костеръ оставили. Должно, шашлыкъ жарили.

— Кто былъ? спросилъ, тяжело ворочая языкомъ, Викторъ.

— Барыня была. Вотъ дамскій платокъ.

Онъ подаль ему оторванный уголъ батиста. Знакомая мѣтка съ короной, знакомые духи, еще сильнѣе дающіе ароматъ оттого, что кусокъ былъ совсѣмъ мокрый...

— Только-что были здѣсь—они недалеко?

— Должно быть, долго стояли. Барыня устала, отдыхали. Тамъ бурками трава примята.

— Скорѣй! крикнулъ Викторъ Ивановичъ,—скорѣй: если мы сейчасъ ихъ дого-

*

нимъ — сто рублей—и кромѣ того я плачу за каждую испорченную лошадь.

Кабардинецъ серьезно кивнулъ головой и побѣжалъ за лошадьми на гору. Викторъ растолкалъ заснувшего доктора.

Лошадей напоили. Минуту спустя они карьеромъ подымались въ гору. — Въѣхавъ на кряжъ перевала, они на минуту придержали коней передъ спускомъ.

Докторъ показалъ на разстилавшуюся передъ ними долину и сказалъ:

— Вотъ и пустыня!

Х.

Цвѣтушая долина разстилалась передъ ихъ глазами. По срединѣ бѣжала свѣтлая рѣка. По берегамъ ея пестрѣли ковромъ цвѣты, подымаясь пестрыми узорами по скаламъ. Скалы все шли выше, переходили въ обрывистые утесы и мощными углами взлетали на верхъ. На сколько хваталъ глазъ, все шло вдаль—цвѣтушее, ароматное ложе какой-нибудь допотопной рѣки, катившей нѣкогда свои волны среди гигантскихъ береговъ. На бокахъ скалъ еще остались слѣды вымоинъ воды, замѣтно было, гдѣ потокъ отрывалъ цѣлыя массы и сбрасывалъ ихъ на дно.—Цвѣты курились опьяняющимъ

благоуханіемъ. Праздничное ликованіе природы чудилось всюду. И ни жилья, ни человека—ничего на-много версть вокругъ. Только тамъ, въ голубой волнующейся дали, на холмахъ, замыкавшихъ долину, что-то смутно сверкало сквозь волнующійся ту-

мань—тамъ былъ тотъ аулъ, куда стремились они.

На поворотѣ дороги, откуда ясно видѣлся на много версть предстоящій путь, вдругъ проводникъ задержалъ коня:

— Ъдутъ! крикнулъ онъ.— Ъдутъ!

Викторъ стегнулъ лошадь и подскакалъ

къ нему. Весь дрожа, приподнявшись на стременахъ, посмотрѣлъ онъ, куда указывалъ кабардинецъ.

На далекій холмъ у скалы, надвинувшейся лилово-зеленой глыбой на дорогу, тихо, какъ муравьи, подымались три всадника. Два, насколько различалъ глазъ, были въ горскихъ одеждахъ; третья—была амазонка. Амазонка ѣхала рядомъ съ однимъ изъ спутниковъ, другой ѣхалъ на полверсты впередъ.

— Это они, они! крикнулъ Викторъ.

Онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и два раза сряду выстрѣлилъ на воздухъ. Проводникъ покачалъ головою.

— Далеко, не услышатъ! сказалъ онъ.

Викторъ выстрѣлилъ еще разъ. Голубоватый дымокъ повисъ въ воздухѣ и не проходилъ. Всадники такъ-же мѣрно и тихо подымались на холмъ. Вотъ уже передній исчезъ за поворотомъ горы.

— Ну, теперь впередъ! задыхаясь проговорилъ Викторъ и со всего маху вытянулъ плетью лошадь.

И всѣ понеслись впередъ. Камни дождемъ летѣли изъ-подъ ногъ скакуновъ. Никто не разбиралъ, на гору ли, подъ гору ли шла дорога. Надо было во что бы то ни стало догнать этихъ движущихся муравьевъ — тамъ впереди. Они ѣдутъ осторожной иноходью.

Почемъ знать—можетъ и вынесутъ крѣпкія кавказскія лошаденки! Даже проводникъ говорить:

— Догонимъ. Если за лошадей «курсовой господинъ» заплатитъ—догонимъ.

Цѣлый часъ длится уже эта скачка. Но и впереди должно быть поѣхали рысью - хотятъ поскорѣе поспѣть въ аулъ—посмотрѣть, какъ будутъ рѣзать жертвеннаго барана. Лошади покрылись пѣной, онѣ уже чаще спотыкаются, и какъ-то безпомощно поводятъ ушами.

И вдругъ, на новомъ поворотѣ, передняя кавалькада вся явилась передъ ними въ какой-нибудь верстѣ отъ нихъ. Теперь ясно видно, какъ амазонка ѣдетъ рядомъ съ кавказцемъ въ коричневой черкескѣ, и какъ онъ, наклонившись къ ней, говоритъ ей что-то.

Викторъ опять выстрѣлилъ. Тамъ услышали. Передній верховой услышалъ. Онъ остановился, посмотрѣлъ въ ихъ сторону и присоединился къ товарищамъ.

— Постой! крикнулъ Чибисовъ, нагоняя Виктора.—Постой, мы ихъ нагнали, не торопись.

— Пустыня, пустыня! хрипло-сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ онъ, все погоняя лошадь, которая храпя перешла на тихій галопъ и не прибавляла шагу.

— Отдай мнѣ твой револьверъ, настойчиво крикнулъ докторъ, схватывая подъ уздцы его лошадь.

— Пустыня! отвѣтилъ Викторъ, криво усмѣхаясь.— Вездѣ пустыня: ни дерева, ни куста, ни человѣка—никого, никого!

Докторъ спрыгнулъ съ сѣдла и схватилъ его за руки — онъ видѣлъ, какъ лицо чернѣетъ и наливается кровью. Онъ кивнулъ проводнику. Они подхватили его; онъ не сопротивлялся и тихо началъ клониться имъ на плеча. Какой-то хриплый звукъ выходилъ у него изъ горла. Они сняли его съ сѣдла.

— Ножъ есть? спросилъ Чибисовъ у проводника.— Давай сюда, да скачи впередъ— зови ихъ скорѣе.

Онъ наклонился къ лежащему на буркѣ пріятелю.

— Ну, такъ и есть — возись теперь съ нимъ, пробормоталъ онъ и, засучивъ ему рукавъ, провелъ острымъ ножомъ по его вздувшейся жилѣ.

XI.

Когда раздался выстрѣлъ, Антонина Михайловна невольно натянула поводья. Коля оглянулся. Ихъ спутникъ подскочилъ къ нимъ и, стоя на стременахъ, шурясь посмо-

.. Докторъ спрыгнулъ
съ сѣдла и схватилъ его
за руки...

трѣль на вершину кручи, гдѣ на яркой синевѣ воздуха рисовались три темныя фигуры всадниковъ.

— Постой, смотришь надо, жди тутъ, — сказалъ онъ, и осторожной иноходью, вглядываясь и всматриваясь, поѣхалъ назадъ.

Смутное предчувствіе вдругъ охватило Антонину Михайловну. Ей совершенно ясно представилось, что это погоня за ней. Она поворотила лошадь и поѣхала слѣдомъ за кабардинцемъ.

— Куда же? Здѣсь подождемъ, — остановилъ ее Коля.

Но она даже не взглянула на его сіявшее счастьемъ лицо. Она чувствовала частую дробь сердца и знала, что это не даромъ. Сразу все вокругъ приняло другой тонъ: изъ праздничнаго перелива красокъ — все обратилось въ зловѣще-сказочную картину. Все задернулось паутиной, вмѣсто жизни — сонное царство раскинулось и съ боковъ, и спереди, и сзади.

Кабардинецъ скрылся за кустами дикихъ цвѣтовъ. Его нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ снова мелькнула голова его коня — онъ несется прямо на нихъ.

— Ъзжай скорѣй, — крикнулъ онъ: — тамъ мужъ твой дожидаетъ. — И въ подтвер-

ждение того, что надо торопиться, онъ со всего маха вытянулъ ногойкой ея лошадь.

Она покачнулась въ сѣдлѣ отъ ея внезапнаго прыжка, потеряла стремя, справилась и понеслась во весь духъ на вершину горнаго отрога.

Викторъ лежалъ на травѣ. Чибисовъ хлопоталъ надъ нимъ. Она взглянула на красное, словно опаленное лицо мужа, и сама, безъ посторонней помощи, прыгнула съ сѣдла. Чибисовъ поднялъ голову, когда она къ нимъ подбѣжала. Въ его всегда спокойномъ взглядѣ теперь бѣгали искры, и брови нервно двигались; онъ ничего не сказалъ и продолжалъ наблюденія за пульсомъ и дыханьемъ.

Она стояла, неподвижно смотря на то, что было передъ ея глазами. Паутина все болѣе и болѣе сгущалась, нависала. Небо, горы, люди— все уходило отъ нея,—въ одномъ мѣстѣ только остался прорывъ. И въ этотъ прорывъ она видѣла одно: багровое лицо мужа и широкую спину доктора, стоявшаго на колѣняхъ.

Коля съ кабардинцемъ пошептались, сказали что-то Чибисову, сѣли на лошадей и поѣхали. Восторгъ молодого счастья сбѣжалъ съ лица Коли,—онъ смотрѣлъ опять пугливо и виновато. Проѣзжая мимо нея,

онъ точно хотѣлъ что-то проговорить, но она не подняла на него глазъ, и онъ — также потупясь и смущаясь, проѣхалъ мимо. Проводникъ Чибисова отстегнулъ изъ-за сѣдель бурки и набросилъ ихъ на высокіе сосѣдніе

кусты. Вышло что-то вродѣ палатки. Туда перенесли, подъ прохладную тѣнь, Виктора. Туда же перешла и сѣла возлѣ него жена. Въ послѣдній разъ она видѣла его въ Москвѣ, на вокзалѣ, изъ окна вагона. Онъ стоялъ бодро на платформѣ, въ новенькомъ весеннемъ пальто, веселый, какъ будто до-

вольный ея отъѣздомъ. Въ минуту разставанія, онъ поцѣловаль ея и, вынувъ платокъ, долго махаль ей рукой въ желтой перчаткѣ. Рядомъ съ нимъ былъ худой длинношейй его двоюродный братъ, и она знала, что они прямо съ поѣзда поѣдутъ въ Эрмитажъ завтракать, а потомъ, вечеромъ — слушать оперетку. Она была рада, что ѣдетъ одна. Она невольно чувствовала свободу, и когда поѣздъ выкатилъ изъ пестраго ряда невзрачныхъ построекъ пригорода, и весенній вѣтеръ забилъ въ окно ея отдѣленія, она вздохнула полной грудью. Чиби́совъ ей телеграфироваль: «все готово», — и она ѣхала, зная, что ее встрѣтятъ и поселятъ съ возможнымъ комфортомъ. «Все готово!» внезапно вслухъ повторила она.

Чиби́совъ посмотрѣль на нее и закурилъ папироску, отойдя къ сторонкѣ. Такъ и не было между ними сказано ни одного слова.

— Что же теперь? думала она, глядя на неподвижную параличную фигуру мужа. — Неужели же — «все готово?» Откуда этотъ внезапный исходъ? Ужели смерть? Гдѣ она, — идетъ ли откуда-нибудь? Гдѣ Викторъ? То, что лежитъ тутъ — это красивый огромный кусокъ мяса. Гдѣ же духъ его?

Она оглянулась. Вокругъ синѣли горы, золотилась трава, сверкало небо. Но смерти нигдѣ не было. И духа Виктора тоже нигдѣ нѣтъ. Какая-то тайна, ужасная загадочная тайна стояла передъ ней. Это маханіе платкомъ въ желтой перчаткѣ, совпаденіе его пріѣзда съ прогулкой въ аулъ, и это багровое тѣло! Смерть рисуютъ скелетомъ съ косою. Гдѣ этотъ скелеть, гдѣ коса? Горы задумчивы, безпечальны, могучи. Облака пушисты, красивы, холодны. Отвѣта нѣтъ. Все загадка. Загадка — и горы, и небо.

Лошади безучастно рвутъ траву и отмахиваются отъ мухъ хвостами. Проводникъ растянулся и спитъ въ травѣ. Докторъ куритъ сосредоточенно, съ какимъ-то торжественнымъ спокойствіемъ, не глядя по сторонамъ.

Дальше выносить молчаніе она не могла. Она встала и подошла къ Чибисову.

— Что это? спросила она.—
Говорите прямо.

— Ароplexia cerebri, небрежно отвѣтилъ онъ, пуская дымъ.

— Апоплексія!
повторила она.—
Когда же онъ
придетъ въ себя?

Чибисовъ по-
велъ плечами.

— Не знаю.
Можетъ быть
«тамъ».

— Въ аулъ?

— Нѣтъ,
«тамъ». — Онъ
вскинулъ глаза
кверху.—Го-
ворятъ, вѣдь мы
туда перепра-
вляемся по смер-

ти: «идеже нѣсть болѣзни и въздыханій».

Въ его голосѣ слышалось раздраженіе и злость. Онъ ненавидѣлъ эту красивую, молодую женщину, стоявшую передъ нимъ: она была причиной того, что въ организмѣ его товарища началось «прекращеніе жизненныхъ процессовъ». Ея свѣжая, полная жиз-

ни фигура,—типъ самки, готовой вывести здоровыхъ, красивыхъ дѣтей,—была ему противна. «Паучиха всегда убиваетъ паука послѣ того, какъ онъ сдѣлаетъ ее матерью»,—пришло ему на умъ, и ненависть къ вѣчной борьбѣ самцовъ и самокъ съ силой поднялась въ немъ.

— Если вы вѣрите въ свиданіе «тамъ»—дѣло можетъ кончиться для васъ неприятно, кося ротъ, прибавилъ онъ. — А впрочемъ, чортъ вѣдь знаетъ, можетъ, мы всѣ будемъ одержимы духомъ всепрощенія...

Онъ отшвырнулъ остатокъ папиросы и всталъ съ камня.

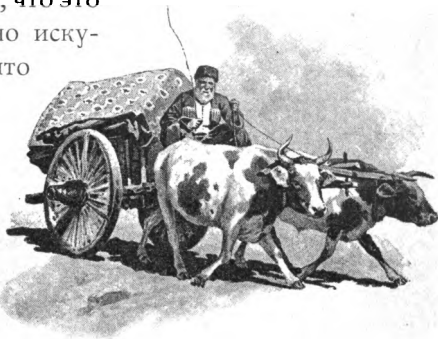
— Кровопусканіе не помогло, сказалъ онъ.—Я послалъ за арбой въ аулъ. Что будетъ, посмотримъ, но я ни за что поручиться не могу.

XII.

Тѣни стали длиннѣе, и солнце уже не такъ жгло своими отвѣсными лучами, когда изъ-за выступа далекой скалы показалась большая повозка съ верхомъ; пѣгіе волы широкой рысью сбѣгали подъ гору; верховой отдѣлился и поѣхалъ впередъ. Антонина Михайловна знала, что это Коля, и приближеніе

его ей было неприятно. Она знала, что онъ ради ея проскакалъ еще тридцать верстъ, что его Ракета—гнѣдая мускулистая лошадка—можетъ быть уже загнана и запалена, но ей казалось, что это слишкомъ мало искушаетъ все то, что случилось.

Виктора положили въ повозку на бурки. Чибисовъ написалъ записку въ Кисловод-

скую аптеку, и ихъ проводникъ, взявъ на поводъ свободную лошадь, поскакалъ обратно, обѣщаясь ночью привезти въ аулъ все, что надо.—Коля пересѣдлалъ свою ракету—она пошла подъ свободнымъ дамскимъ сѣдломъ.—Антонина Михайловна сѣла возлѣ мужа въ повозку, докторъ опять вскарабкался на своего конька и поѣхалъ сзади, не выпуская изо рта папироски.

Въ повозкѣ было тряско и неудобно. Горной тропинки хватало только на одно колесо—другая сторона катилась по кустамъ, подпрыгивая на камняхъ. Волы шли тѣмъ же меланхолическимъ ровнымъ бѣгомъ. Ста-

рый кабардинецъ сидѣлъ у передка телѣги и по-своему разговаривалъ съ животными; онъ былъ одѣтъ въ шелковый бешметъ и новую баранью шапку. Иногда онъ поворачивался и смотрѣлъ на тяжело дѣшавшаго Виктора, потомъ переводилъ глаза на Антонину Михайловну и внимательно въ упоръ разглядывалъ ее.—Въ телѣгѣ было не ловко. Ноги ея сползали съ ковра и толкали мужа. Но онъ ничего не слышалъ, лежалъ спокойно навзничь и похрипывалъ. Иногда возлѣ повозки раздавался стукъ подковъ,—и то докторъ, то Коля перегонялъ ихъ. Жаръ сваливалъ, запахъ цвѣтовъ сталъ сильнѣе. Одно колесо скрипѣло, и съ каждымъ поворотомъ взвизгивало, какъ-то по-птичьи, проникая рѣзкимъ звукомъ въ самую нутрь ея мозга. А горы все такъ-же тѣснились впереди, и, казалось, не было конца этой пустыни.

Вдругъ она отдернула руку, которой опиралась о боковую перекладину телѣги: какъ разъ тамъ, гдѣ лежали ея пальцы, было сыроватое красное пятно, како́го-то зловѣщаго цвѣта. Старикъ подмѣтилъ ея ужасъ и оскалилъ свои бѣлые, словно точеные зубы.

— Вчера въ Кисловодскѣ возили, — заговорилъ онъ:—казачка одна тутъ... хороша, красива. Совсѣмъ молодая. Прибѣжала, кричитъ: мужъ рѣзать хочетъ. Мы ее прятали.

Потомъ она вышла за ворота, а онъ какъ скочить и ножемъ сюда.

Онъ показаль на лѣвую сторону груди.

— И ножемъ сюда...

— За что же? поблѣднѣвъ, спросила она.

— Жить не хотѣла съ мужемъ. Не хочу, говоритъ, ты бьешь меня. И ушла. А онъ — такой разбойникъ, — хотѣль убить. Только не убилъ. Мы лѣчить по-своему можемъ. Мы хорошо лѣчимъ. Взяль барана, ободралъ барана, и сырая шкура крѣпко-крѣпко перевязаль, гдѣ кровь. — А ему мы цѣпь вокругъ шеи и къ столбу приковали — на всю ночь: сиди тутъ. А утромъ ихъ повезли... Обоихъ. Его приставу сдали, а ее докторъ лѣчить будетъ. Говорить, жива будетъ.

— Какъ, — ихъ на одной повозкѣ и везли?..

— Одна повозка. Эта повозка и везли. Она лежалъ, онъ сидѣль. Онъ все ругаль ее. Погоди, говоритъ, вотъ изъ острога выпускають, тогда совѣмъ тебя дорѣжу. Такой разбойникъ!

Она опустила глаза на Виктора и стала опять думать. Странныя сопоставленія все всплывали передъ ней. Вчера здѣсь тоже бѣжала супружеская чета: та же ревность, тотъ же полуживой, полумертвый обликъ у одного изъ нихъ, а другой возлѣ него — убійца.

*

Чувство виновности росло внутри ея съ каждымъ часомъ. Событія наслоились одно за другимъ съ быстротой, отъ которой голова кружилась. Вчера въ это время она сидѣла на сѣнѣ у Коли—и все было какъ надо: и домъ ихъ въ Москвѣ, и ея отношенія къ мужу — все оставалось такимъ же неизмѣннымъ какъ всегда. Вечернее посѣщеніе Коли тоже въ сущности ничего не рѣшило. Это была минута увлеченія, минута, которая не могла оставить рѣзкаго слѣда въ будущемъ. Но пришла ночь, и поднялось въ ней опять это проклятое чувство, желаніе хоть на день, на три—уѣхать вдаль, въ горы, съ этимъ молодымъ, стройнымъ офицеромъ, — вздохнуть свободно, пожить — только разъ въ жизни—полной, свободной, не стѣсняемой, радостной жизнью.

Передъ ней всплыло лицо ея свекрови:

рѣзкій римскій профиль, красивая складка губъ, сдвинутыя брови. Ее считают женщиной строгой нравственности; она ревниво слѣдитъ за всей своей, раскинутой по разнымъ концамъ семьей; — она

была очень противъ того, чтобы Антонина одна ѣхала на Кавказъ. Что, еслибы теперь она узнала все, какъ оно случилось, еслибы она узнала, кто причина того, что ея сынъ полумертвый лежитъ въ азіатской телѣгѣ, — и его везутъ куда-то по горамъ, все дальше и дальше, въ глубь пустынныхъ отроговъ! — Она прокляла бы ее, крикнула ей, что она развратная женщина, что она убійца его...

Когда она скорѣе чувствуетъ, чѣмъ видитъ, что Коля обгоняетъ повозку, чувство отвращенія, омерзенія и къ нему, и къ себѣ охватываетъ ее. Она не плачетъ: глаза сухи, губы сжаты. А волю бѣгутъ все впередъ и впередъ...

XIII.

— Мы подъѣзжаемъ къ аулу, — сказалъ Чибисовъ, наклоняясь къ ней въ повозку. Она пришла въ себя и оглянулась. Колеса ѣхали по водѣ. Быстрая горная рѣчка, мутная отъ таявшихъ на Эльбрусѣ снѣговъ, бѣжала съ пѣной между крутыми берегами. По желтымъ скаламъ лѣпились сакли, дорога шла въ гору. Быки втащили съ трудомъ на отвѣсную кручь тяжелую колымагу и покатали ее широкой улицей, съ плетеными заборами, утыканными лошадиными черепами. На огромное простран-

ство раскинулся ауль—всюду сѣрѣли соломенные кровли мазанокъ. Убогая мечеть стояла на площади,—и нигдѣ, на всемъ протяженіи аула, ни одного деревца, ни одного садика. Ихъ ждали на поворотѣ въ одну изъ

улицъ конные кабардинцы. Увидя доктора, они подѣхали къ нему, подали руки и

поклонились женщинѣ.

— Къ Харуну въ домъ, — сказалъ высокій блондинъ возницѣ, — и волю своротили налѣво, въ узкій переулокъ между плетнями. Вдоль плетней стояли пестрыми группами дѣвочки-подростки и смотрѣли на пріѣхавшихъ. На большомъ кругломъ дворѣ повозка остановилась.

Хозяинъ дома — Харунъ, въ шелковомъ

лиловомъ бешметѣ и бараньей сѣрой шапкѣ, съ трубочкой въ зубахъ, серьезно подошелъ къ телѣгѣ и заглянулъ туда.

— Эге, плохо! сказалъ онъ, подавая доктору руку.—Совсѣмъ плохо.

Они вынули больного изъ повозки и положили на траву. Краснота сбѣжала съ его лица. Онъ былъ блѣденъ, въ горлѣ у него хрипѣло, глаза были сомкнуты, изрѣдка шурясь и вздрагивая рѣсницами.

— Въ кунацкую надо? спросилъ Харунъ.

— Нѣтъ, въ палатку лучше, посоветовалъ докторъ.

Трое подняли Виктора на буркѣ и понесли. Въ низкой оградѣ, отдѣлявшей одинъ дворъ отъ другого заросшаго кустами двора, былъ продѣланъ узкій перелазъ. Черезъ него ловко и скоро переправили тѣло больного. Въ низкой, но просторной палаткѣ, на сѣно, покрытое ковромъ, его положили. Чибисовъ началъ хлопотать вокругъ него, опять послушалъ пульсъ и сердце, сталъ спрашивать льду, но льду не было. Изъ Кисловодска кабардинецъ долженъ былъ привезти пузырь для льда, но зачѣмъ онъ, когда льда нѣту. Едва-ли теперь онъ доѣхалъ туда,—раньше, какъ къ утру, и ожидать его нельзя.

Коля подошелъ робко къ Антонинѣ Михайловнѣ и спросилъ, не хочетъ ли она чего

сѣсть? Она не отвѣтила ему и отвернулась. Коля передернулъ плечами, и лицо его выразило боль: онъ понялъ, что вмѣстѣ со смертью этого человѣка, невѣдомо откуда взяшагося, умираетъ и ея чувство къ нему, если только оно было въ ней.

— А вамъ все-таки поѣсть необходимо, — сказалъ Чибисовъ. — Харунъ велѣлъ зажарить пѣтуха. Не отказывайтесь — вы обидите хозяина.

— Я пить хочу, проговорила она.

Къ нимъ подошелъ какъ разъ Харунъ съ ковшемъ какой-то сѣрой густой жидкости.

— Барыни бузу принесь, — сказалъ онъ. — Выпейте, барыня, нашу бузу. Устала, будешь здорова.

Она посмотрѣла на доктора и отхлебнула. Жидкость показалась ей противной, мучнистой, пахла точно какими-то отрубями. Но она была холодная, свѣжая — а у нея давно пересохло въ горлѣ. Она приникла къ ковшу запекшимися губами и стала пить. Она слышала, что буза опьяняетъ, и ей хотѣлось, чтобы она одурманила ей голову, хотя на мгновеніе заставила посмотрѣть на все, что вокругъ, другими глазами. Харунъ ласково глядѣлъ на нее. По его загорѣлому лицу расплылась улыбка тихаго сожалѣнія.

— Докторъ, будешь бузу пить? спросилъ онъ, принимая ковшикъ.

Докторъ молча взялъ, выпилъ все до дна и опять наклонился надъ пріятелемъ.

— Неужели конецъ? спросила она.

— Коматозное состояніе. Если во-время придетъ изъ аптеки помощь... а впрочемъ— вѣроятно все лишнее. Вы не волнуйтесь, сядьте сюда, а лучше засните: вамъ нужны будутъ силы. Сейчасъ дадутъ намъ пообѣдать,—и потомъ вы прилягте.

На другомъ концѣ палатки поставили низенькій столъ и набросали подушекъ. Въ большомъ кувшинѣ принесли водку. Праздничные гости Харуна, перешептываясь, стояли и сидѣли вокругъ. Харунъ самъ перевелъ къ столику Антонину Михайловну и самъ на тарелку положилъ ей кусокъ пѣтуха и ломоть бѣлаго хлѣба.

— Вы вилокъ ѣдите, ножемъ ѣдите,—сказалъ онъ. — А мы руками ѣдимъ.

Онъ налилъ стаканъ водки и подаль тому старику, что везъ ихъ, и теперь первый пришелъ въ гости.

— Пусть твоя мужъ здорова будетъ, — проговорилъ онъ, щурясь однимъ гла-

зомъ на стаканъ, другимъ на барыню, и не торопясь, мелкими глотками, выпилъ его.

Отъ курицы пахло дымомъ, но въ приготовленіи была своеобразная прелесть. Только проглотивъ первый кусокъ, она почувствовала, что голодна, и что это кушанье чудесно сдѣлано. Харунъ налилъ изъ чайника душистаго, хорошаго чая. Она, какъ въ туманѣ, взяла стаканъ, выпила его, и тутъ же полулежа на сѣнѣ и подушкахъ почувствовала, что мысли ея путаются, глаза слипаются, что это передъ ней не аулъ, а что-то совсѣмъ другое, скорѣе всего номеръ въ той гостинницѣ, и что съ мужемъ ея ничего не случилось, хотя онъ и пріѣхалъ, и спитъ, гдѣ-то тутъ же, неподалеку, и все по-прежнему—хорошо и благополучно...

XIV.

Она спала не больше часа. Когда она проснулась, праздникъ кипѣлъ уже вокругъ. Гости разошлись. Викторъ лежалъ такъ же мертвенно и неподвижно навзничъ и такъ же хрипѣлъ. Совсѣмъ вечерѣло. Надъ соломенной кровлей сакли горѣли розовыя искры садившагося солнца. Лиловыя тѣни ложились на траву отъ заборовъ. Надъ ней

стояла красивая кабардинка въ праздничномъ уборѣ и улыбалась ей, кивая головой. Антонина Михайловна заговорила; та закачала головой и опять улыбнулась.

— Она по-вашему не понимаетъ, сказалъ, появляясь откуда-то, Харунъ. — Пойдемте смотрѣть, какъ наши джигитовать будутъ. Докторъ велѣлъ вамъ сказать, чтобъ непременно шли. А потомъ вы скажете Колѣ, чтобы не джигитовалъ. Лошадь устала, самъ онъ усталъ... Жена моя здѣсь будетъ...

Ей хотѣлось уйти хотя на минуту изъ этой каменной коробки. Она подала ему руку и перебралась чрезъ заборъ. Они прошли возлѣ отвѣсной кручи, убѣгавшей внизъ, гдѣ пѣнилась и крутилась мрачная Малка, и, завернувъ узкимъ переулкомъ, вышли на выѣздъ изъ аула. Тамъ на заборахъ и на гудахъ камней сидѣли яркія группы дѣвушекъ и под-

ростковъ. У дороги стояла толпа затянутыхъ въ черкески кабардинцевъ. У многихъ было чеканное оружіе и серебряные газыри на груди. Вдали гарцовали джигиты, готовясь къ состязанію, и перекрикивались между собою.

— Не ѣзди, Коля! крикнулъ Харунъ, — лошадь устала, ты усталъ.

Коля глянулъ въ ихъ сторону и, увидѣвъ Антоницу, только выпрямился на сѣдлѣ.

— Голову сломаешь, лошадь упадетъ, проговорилъ Харунъ и совсѣмъ сдвинулъ себѣ на брови шапку, что служило у него признакомъ крайняго неудовольствія.

Черномазый джигитъ на сѣромъ конѣ громко взвизгнулъ и карьеромъ понесся между разступившейся толпой; свернувшись на сѣдлѣ, вися внизъ головою, зацѣпившись лѣвой ногой за шею лошади, онъ среди густыхъ клубовъ пыли искалъ взглядомъ чего-то на землѣ—нашелъ, схватилъ, всталъ на стремяна и, высоко поднявъ призь, проскакалъ дальше при крикахъ одобренія.

Коля пустилъ свою ракету слѣдомъ за нимъ. Ракета скакала неохотно: едва она пришла въ себя отъ ѣзды цѣлаго дня, какъ снова ее туго перетянули тремя подпругами и заставили скакать подъ сѣдломъ, натер-

шимъ и безъ того уже до крови ея спину. Въ ней не было обычнаго оживленія, сухія тонкія ноги не такъ увѣренно, какъ всегда, ударили о землю, уши недовольно ходили взадъ и впередъ. Едва Коля доскакалъ до какого-то предмета, положеннаго докторомъ на землю, и наклонился съ сѣдла, какъ Ракета перешла на тихую иноходь—и всѣ вокругъ засмѣялись. Коля вытянулъ ее ногайкой и повернулъ назадъ. Глаза ея налились кровью, она сдѣлала два прыжка, споткнулась—и стала пятиться...

— Пойдемъ; не хочу смотрѣть,—повторилъ Харунъ, надвигая шапку уже на носъ;— звѣря мучить, себя мучить,—дуракъ, а не джигитъ.

Коля проскакалъ мимо нихъ на прежнее мѣсто. Лицо его было искажено злобой и отчаяніемъ, онъ готовъ былъ убить свою любимицу, перваго скакуна въ округѣ—отъ стыда, неудачи и отъ того, что ему было все равно до всего въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ Антонина отвернулась отъ него.

И ей было все равно: ей даже было приятно, что онъ мучается; и еслибы онъ тутъ же упалъ и раскрылъ себѣ голову, ей было бы легче,—она видѣла бы въ этомъ воздаяніе судьбы. Теперь онъ ей былъ чуждъ—красота молодого, здороваго мужчины, въ

эту минуту, была ей отвратительна. Нѣсколько часовъ назадъ, тамъ на пути, она не знала, какой можно представить обликъ смерти. Теперь ей стало ясно,—что этотъ Коля, съ злымъ лицомъ, бьющій ногайкой усталую лошадь—и есть смерть.

— Вы давно замужемъ за господиномъ? спросилъ Харунъ.

— Четвертый годъ,—отвѣтила она, вздрогнувъ—и невольно въ умѣ стала дѣлать расчетъ—сколько времени она *была* замужемъ. *Была*, потому что вѣдь теперь кончается ея замужество.

— Я тоже четвертый годъ женатъ, — оживился Харунъ и сдвинулъ шапку на затылокъ.— У меня сынъ есть. Второй годъ сыну. А у васъ, барыня, есть дѣти?

— Былъ тоже сынъ—умеръ.

— Умеръ? У меня—живой. Посмотрите, я вамъ покажу. Глаза какъ небо—совсѣмъ голубые!

Онъ набилъ трубку и закурилъ, полный довольства мыслью о томъ, что у него живой сынъ съ голубыми глазами.

— Познакомьте меня съ нимъ, Харунъ, — сказала она.

Онъ еще разъ обѣщалъ, и они пошли къ дому. Солнце спустилось за горы—недвижный воздухъ, словно вылитый изъ сте-

кла, прозрачной, зеленовато-золотистой массой обнималъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Кабардинки-дѣвушки съ любопытствомъ смотрѣли на эту амазонку и весело перешептывались.

— И здѣсь также любятъ, ревнуютъ, умираютъ, — думала она. — И здѣсь счастье...

XV.

Сумерки затопили синей мглою ущелье. На смѣну имъ быстро набѣгала съ востока ночь—безлунная, сухая, теплая. Въ палатку принесли свѣчку въ мѣдномъ подсвѣчникѣ и поставили на низкій столикъ. Пришелъ докторъ съ джигитовки и сказалъ, что перевязалъ Колѣ израненную руку: онъ вступилъ въ споръ съ побѣдителемъ, и дѣло дошло до кинжала.

Антонина Михайловна приняла это извѣстіе совершенно равнодушно.—Ее занималъ теперь вопросъ о томъ—сколько времени продолжится то ужасное состояніе, въ которомъ находится теперь она, и когда же всему этому будетъ конецъ,—какой бы то ни было, но конецъ:—такъ продолжать вѣдь нельзя.

Краснота совсѣмъ спала съ лица мужа. Чибисовъ говорилъ, что теперь нужны возбуждающія средства, но этихъ возбуждаю-

щихъ въ аулъ не было. Онъ послалъ и за эфиромъ, и за валеріаномъ, и за виномъ, — но когда все это будетъ! — Теперь, вотъ именно теперь, необходимо было бы поставить горчичники, но горчичницы нѣтъ. Черезъ нѣсколько часовъ поможетъ только вспрыскиванье, но нѣту шприца... Шприцъ привезутъ, когда будетъ поздно. Быть можетъ, надо было ѣхать не въ аулъ, а въ Кисловодскъ? Но помогло ли бы это? И какъ телѣгу спустить съ этой кручи!

А онъ все хрипитъ и хрипитъ.

— Стоило получить статскаго совѣтника, — сказалъ Чибисовъ, щупая въ сотый разъ пульсъ. — Ахъ, барынька! — Побыли бы вы въ нашей шкурѣ, измѣнили бы взглядъ на жизнь. Вотъ вы, чего добраго, первый разъ видите, какъ возлѣ васъ совершается на глазахъ этотъ переходъ, — куда переходъ — неизвѣстно. А мы десятки, сотни разъ видѣли этотъ самый переходъ — и такъ таки логики къ нему и не подыскали. На все есть у насъ установленія и обряды, — и для свадьбы, и для крещенія — по всѣмъ правиламъ приличія. Нельзя неожиданно ни замужъ выйти, ни родиться. А умереть — можно. Умираютъ люди, постепенно готовясь къ смерти: собираютъ родню, прощаются со всѣми, слезы проливаютъ, пишутъ завѣщанія.

Наступаетъ великій мигъ—и наконецъ—пламя тухнетъ—конецъ. Но бываетъ, вотъ такъ, какъ Викторъ продѣлалъ. Уѣхалъ изъ Москвы за полторы тысячи верстъ, сѣлъ зачѣмъ-то верхомъ на лошадь, поскакалъ по горамъ, свалился съ лошади — и въ себя болѣе, согласно законамъ медицины, приходитъ не будеть. Тотъ же переходъ, но несогласный съ кодексомъ «хорошаго тона»...

— Перестаньте! крикнула она:—какъ вамъ не совѣстно въ такую минуту...

Онъ прямо въ глаза посмотрѣлъ ей:

— *Мнѣ* нисколько не совѣстно, — сказалъ онъ.—Я говорю то, что думаю, то, что есть... Вы скажете — цинично, — никакого цинизма. Я «констатирую» фактъ—не болѣе. Вы пугаетесь смерти, я ея не пугаюсь, — я знаю, что это «переходъ». Куда «переходъ», не знаю, и не хочу знать, — но думаю, что куда-нибудь. Куда—мнѣ все равно, сколько ни думай, ничего не выдумаешь. Мы для чего-то живемъ на землѣ и для того же самага умираемъ. Смерть—это извѣстная форма жизни, такая же непонятная, какъ и рожденіе. А между тѣмъ, когда люди рождаются, мы не удивляемся, а только радуемся главнѣйшимъ образомъ тому, что явилось существо, съ которымъ мы можемъ дѣлать все, что угодно. Когда же кто умираетъ — мы

проливаемъ слезы и говоримъ, что потеря для насъ невозвратимая. На сколько времени? На какія-нибудь двадцать-сорокъ лѣтъ оставшейся жизни? Да стоить ли объ этомъ говорить? Это дѣтскія, азбучныя истины — но я ихъ повторяю, потому что ихъ никто не хочетъ знать, и всѣ забываютъ...

— А любовь? спросила она.

— Любовь? удивился онъ.—Что же любовь? При чемъ она? Прежде всего не слѣдуетъ быть эгоистомъ. Конечно, любовь—это эгоизмъ, сердито крикнулъ онъ.— Всѣ любятъ по отношенію къ себѣ: ахъ, *ею* нѣтъ— *мнѣ* скучно, онъ тутъ — *мнѣ* весело. Та же старая пѣсня! Не парадоксы это, сударыня, а истина—голая истина, и если мы отворачиваемся отъ нея, то потому только, что въ силу нашего воспитанія все обнаженное считаемъ предосудительнымъ. Дѣло въ томъ, чтобы принять жизнь, какъ можно проще, и не подводитъ ее подъ узкія школьныя рамки. Никакихъ рамокъ природа не признаётъ — для нея нѣтъ опредѣленныхъ прописей, которыми мы ее надѣляемъ; она смѣется надъ нами—да ничего другого мы и не заслуживаемъ.

Она слушала его и наблюдала за его лицомъ: его сердце безсиліе помочь больному другу, и онъ свою злость срывалъ на ней.

Онъ досталъ въ аулѣ хорошаго табаку и не выпускалъ трубочки изо рта. Но ѣдкій дымъ не успокоивалъ его. Онъ теръ недовольно свою лысину, недовольно поглядывалъ во-кругъ, ёжился и привязывался къ случаю сказать кому-нибудь дерзость.

— Ненавидѣть жизнь такъ-же глупо, какъ и любить ее, — сказалъ онъ. — Принимайте все прямо, все на вѣру, тогда вы только хоть нѣсколько будете счастливы. Вы видѣли Нагуа, жену Харуна? Она счастлива, потому что она видитъ въ своемъ мужѣ борца противъ стихій и людей. Умретъ онъ — она тоже умретъ. Она понимаетъ, что женщина — часть мужчины, проростокъ его, а не обособленное существо, какъ это думаете вы.

XVI.

— Вы знаете, какъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла ихъ свадьба? Ихъ дворы примыкали одинъ къ другому, они ребятами вмѣстѣ играли. Потомъ онъ выросъ, сталъ джигитомъ. При этомъ, онъ отчаянный коммунистъ. На сходкахъ все кричалъ о томъ, что имущество должно быть раздѣлено у всѣхъ поровну, и что число надѣловъ въ аулѣ должно быть равное. Старики его долго образумливали, но не помогло. Молодежи

*

это нравилось. Свое онъ все роздалъ, остался въ одномъ бешметѣ, а еслибы кто и бешметъ попросилъ, отдалъ бы. «Возьми, носи—мнѣ ничего не надо». Бывало прїѣдешь къ нему въ гости, у него ничего нѣтъ, угостить нечѣмъ. Сейчасъ попросить у одного прїятеля сѣдло, у другого лошадь — и въ стадо. Кричитъ пастуху: «покажи, гдѣ баранъ самый лучшій». Схватить его черезъ сѣдло—и прочь. Потомъ его судятъ за воровство; онъ говоритъ: «я не воровалъ, а взялъ на глазахъ у пастуха; когда у самого лишніе бараны будутъ — двухъ дамъ на промѣнъ». Его сажали въ тюрьму много разъ.

— Это вы называете простымъ отношеніемъ къ жизни? спросила Антонина Михайловна.

— Я это называю простымъ отношеніемъ къ жизни,—повторилъ онъ.—И онъ добился своего: онъ настоялъ, чтобы неимущимъ были даны всѣ средства къ полному хозяйству. А потомъ онъ задумалъ увезти Нагуа, потому что ея родственники не хотѣли отдавать ее за такого разбойника. Онъ хотъ и дворянинъ по-ихнему, а я увѣренъ, что нѣсколько человѣческихъ жертвъ лежитъ на его душѣ. Не удивляйтесь: здѣсь, я вамъ говорю, смотрятъ проще на жизнь, и если встрѣтятся надобность, то относятся къ человѣку, какъ

...Задумалъ онъ выкрасть Нагуа... Увезъ ее въ другой аулъ, къ муллѣ, который ждетъ его...

къ барану. Изъ этого не слѣдуетъ, что насъ сегодня ночью зарѣжутъ: мы гости, и находимся подъ охраной восточнаго гостепріимства. Ну, слушайте. Задумалъ онъ выкрасть Нагуа. Черной ночью, въ ливень, увезъ ее въ другой аулъ, къ муллѣ, который ждалъ его. Погнались за нимъ—не догнали. Вернулся онъ одинъ. Кунакъ его привезъ къ нему такой же глухой ночью молодую. Онъ такъ ее спряталъ, что полгода никто не могъ узнать, что она живетъ бокъ-о-бокъ съ родными. Потомъ ночью разъ вышла она — ее черезъ заборъ мать увидѣла. На утро — вся сакля окружена, родственники, кунаки — всѣ сошлись: требуютъ выдачи, грозятся. Харунъ заперся, два кинжала вынулъ, револьверъ и ружье заряженое возлѣ положилъ. Не отдамъ, говоритъ. Они стрѣлятъ; онъ — въ нихъ. Ранилъ одного. Они рѣшили дымомъ его выкурить: подожгли соломенную крышу. А онъ схватилъ Нагуа — и кричитъ: «моя она, а не ваша — что хочу, съ нею сдѣлаю; а огнемъ вы не поможете!» Такъ вотъ, сударынька, представьте-ка вы нашу современную московскую даму, во-кругъ которой домъ горитъ, и которая къ мужу прильнула, и на зовъ маменьки выйти не хочетъ? Не прямо ли она смотритъ на жизнь и на смерть?

— Чѣмъ же кончилось все это? спросила она.

— Чѣмъ кончилось? Сами же родичи огонь залили и съ Харуномъ примирились. Красота, сила характера даже на нихъ дѣйствуетъ. Теперь посмотрите, какимъ онъ авторитетомъ пользуется — судья: къ нему разбирать свои споры сосѣди приходятъ. Ну-съ, и спрошу я васъ: какъ на него можетъ смотрѣть жена? Какъ на огромную стихійную силу, которая объяла ее и въ которой она живетъ. Онъ увезъ ее на своемъ сѣдлѣ отъ родныхъ, онъ берегъ ее, какъ сокровище, гдѣ-то тамъ въ погребу, онъ жизнь готовъ былъ положить за нее, только бы съ нею не разстаться. Онъ отецъ ея сына, голубоглазаго мальчишки, что вы сейчасъ видѣли, онъ ей все: онъ ея жизнь, ея сила. Ну, а у насъ, въ нашемъ быту, мыслимо ли что-нибудь подобное? Вѣдь ужъ этотъ бракъ проченъ, разводиться не будутъ, и къ первому встрѣчному Нагуа на шею не повѣсится, а если кто силой захочетъ овладѣть ею, такъ, я думаю, она скорѣе зарѣжетъся, чѣмъ позволить надъ собою насилие.

Онъ всталъ, вытрясъ трубку и пошелъ къ больному. Ноги холодѣли, и надо было принимать новыя мѣры, окутывать его во что-нибудь теплое. Достали какія-то нагрѣтыя

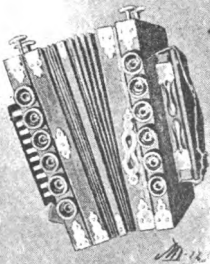
полотнища чего-то. Его обернули, укрыли бурками. Онъ все, по-прежнему, хрипѣлъ и не приходилъ въ себя.

На сѣро-синемъ небѣ зажглись звѣзды. Пламя свѣчи теплилось безъ колебаній,—и свѣту было довольно. На сосѣднемъ дворѣ началось движеніе. Появились дѣвушки, дѣвочки-подростки и совсѣмъ маленькія. Съ наступленіемъ ночи, Байрамъ принималъ новую форму веселья.

Харунъ пришелъ къ доктору спросить — не помѣшаетъ ли музыка больному, такъ какъ рядомъ будутъ танцовать; докторъ только махнулъ рукой.

— Я думаю, теперъ хотъ изъ пушекъ пали — онъ не услышитъ. Танцуйте, сколько хотите.

Откуда-то принесли большую итальянскую гармонику, Богъ вѣсть какими судьбами попавшую въ аулъ. Раздались повизгиванья и хрипья густыя ноты: кто-то пробовалъ ее. Замелькали огни и неясныя тѣни. Раздался тягучій мотивъ лезгинки. На звуки музыки сталъ схо-

даться народъ, и все тѣснѣе и тѣснѣе дѣлалось на площадкѣ передъ саклей.

XVII.

Коля, хмурый, съ перевязанной рукой, перелѣзъ черезъ ограду и подошелъ къ Антонинѣ Михайловнѣ, сидѣвшей возлѣ мужа. Докторъ былъ въ сторонѣ: — въ этомъ потемнѣвшемъ углу палатки никого больше не было. Онъ опустился возлѣ нея на коверъ, скрестивъ по-восточному ноги.

— Что же, — тихо сказалъ онъ, точно про себя: — ты хочешь все покончить, хочешь уѣхать и забыть про меня?

Она сдѣлала видъ, что не слышитъ, и сидѣла, наклонивъ голову.

— Ну, а если я приѣду въ Москву, явлюсь къ тебѣ и потребую, чтобы ты шла за меня замужъ?

— Вы не смѣете этого сдѣлать, — внезапно заговорила она, поднявъ голову. — Вы никакихъ правъ на меня не имѣете.

Онъ засмѣялся; его бѣлые зубы такъ и сверкнули въ темнотѣ.

— Какихъ же тебѣ еще правъ надо? сказалъ онъ. — За мужа ты шла, быть можетъ, по принужденію, — быть можетъ, по обсто-

ательствамъ. А кто жъ тебя принуждалъ ко мнѣ итти?

— Уйдите отсюда, — сказала она, — умоляю васъ — уйдите. Вы видите, что мнѣ не до разговоровъ; дайте ему умереть.

Онъ всталъ.

— Хорошо. Скажите мнѣ только одно: вы не хотите меня видѣть — ни теперь, ни послѣ?

— Не хочу...

Онъ постоялъ немного, смотря на нее воспаленными глазами.

— Не хотите! Ну, что жъ, — тогда прощайте. Тогда ужъ больше не свидимся...

Онъ перепрыгнувъ черезъ ограду и пошелъ въ домъ Харуна.

— Водка есть еще? спросилъ онъ.

— Есть, довольнымъ тономъ заговорилъ Харунъ, — много есть водка. — Магометъ не запрещалъ водка пить. Водка при немъ не была, онъ не зналъ про нее.

— А кабы и зналъ, не запретилъ бы, — засмѣялся Коля.

— Водка—это хорошо, очень хорошо, — сказалъ Харунъ. — Бузу надо четверть ведра выпить, чтобы весело было, а водки три стакана довольно.

Онъ повелъ его куда-то въ завѣтный уголь, гдѣ стояли бутылки съ драгоцѣннымъ на-

...Коля видѣливалъ колѣна все за-
мысловатѣе и мудренѣе: онъ совсѣмъ
извивался колыцомъ...

питкомъ. Осторожно наклоня горлышко, онъ нацѣдилъ въ кружку.

— Хорошо Туга возить посуду, заговорилъ онъ. — Подумай, верхомъ за семьдесятъ верстъ привезъ, не разбилъ ничего, хорошо привезъ. Туга настоящій ѣздокъ.

— Еще наливай! сказалъ Коля,—полную наливай, не жалѣй.

— Ты пьянъ хочешь быть? удивился Харунъ. — Лошадь билъ, джигитовалъ нехорошо, теперь пьянъ хочешь быть. Опять подерешься?

— Не подерусь, говорю, смиренъ буду. Наливай полнѣе. Пойду танцовать сейчасъ, очень я веселъ.

Онъ выпилъ вторую кружку и пошелъ во дворъ, гдѣ скрипѣла гармоника.

— Не такъ танцуешь, крикнулъ онъ длинному, красивому кабардинцу;—вотъ какъ надо танцовать, — смотри, что дѣлать надо.

Онъ вышелъ въ кругъ и, мягко переступая чувяками, началъ оплывать площадку, прикрываясь одной рукой, а другую, перевязанную, взявъ на-отмашъ.

— Иди со мной! крикнулъ онъ дѣвушкѣ, что играла на гармоникѣ,—иди!

Та выступила, не выпуская изъ рукъ гармоника, но не теряя такта, и медленно, впереди его, поплыла по кругу. Вокругъ, по

азиатскому обычаю, прихлопывали въ ладоши.

— Огня давай, еще огня! суетился Харунъ. — Фонарь неси, тамъ фонарь у Нагуа спроси. Свѣчи давай, пусть свѣтло будетъ, хорошо будетъ.

И онъ самъ хлопалъ въ ладоши, и прискакивалъ, и приплясывалъ, и смѣялся, когда Коля взвизгивалъ надъ самымъ ухомъ своей дамы. Принесли фонарь огромный, вродѣ нашихъ уличныхъ; принесли такъ, безъ подсвѣчниковъ, двѣ-три свѣчи, составила цѣлая иллюминація. Коля выдѣлывалъ колѣна все замысловатѣе и мудренѣе: онъ совсѣмъ извивался кольцомъ, особенно, когда игралъ кинжаломъ, то втыкалъ его въ землю, то перебрасывалъ изъ руки въ руку. Съ послѣднимъ отчаяннымъ вскрикомъ, онъ остановился и, едва переводя духъ, сказалъ:

— Бузы дай, бузы!

— Надо бузы ему, дай ему, Харунъ, бузы! заговорили вокругъ. — Отчаянный чловѣкъ — какъ пляшетъ.

— За мое здорѣе — ура! крикнулъ онъ, поднимая ковшикъ и, вынувъ изъ кармана револьверъ, хлопнулъ имъ въ воздухъ. Дѣвчонки завизжали, толпа была довольна.

— Веселый чловѣкъ,—говорили про него,—совсѣмъ веселый чловѣкъ!

Онъ шатаясь вышелъ изъ круга, хотѣлъ перелѣзть въ сосѣдній дворикъ и задумался.

— Асанъ, — сказалъ онъ вертѣвшемуся возлѣ подростку. — Поди до-

стань мою «Ракету», и чтобъ

никто не видѣлъ — слы-

шишь? Я тебѣ на пря-

ники дамъ. А сѣдло ужъ

я самъ приготовлю. И

никому не говори, что

я уѣхалъ, никому пожа-

луйста.

Асанъ скользнулъ въ темноту, сверкнувъ босыми пятками. Коля постоялъ, поглядѣлъ и тихо побрелъ туда, гдѣ были сложены ихъ сѣдла.

XVIII.

Обвертыванье теплымъ не помогало. Викторъ все такъ-же лежалъ безъ чувствъ и такъ-же холодѣлъ. При звукѣ близкаго выстрѣла его лицо не дрогнуло. За то Антонина Михайловна всполошилась. Она узнала рѣзкій, обрывистый звукъ Колина револьвера. Но она сдержалась и не спросила, кто стрѣляетъ. Она боялась въ эту минуту Коли и рѣшила не спать всю ночь. Ей казалось, что онъ теперь можетъ ее зарѣзать,

что онъ ночью можетъ напасть на нее, зажать ротъ, и увезти куда-нибудь дальше, въ аулъ и горы, куда никто и не проникнетъ. Она посмотрѣла револьверъ ея мужа— всѣ патроны были разстрѣляны. Она рѣшила просить Нагуа пріютить ее на ночь въ кухнѣ. Ей хотѣлось, чтобы рядомъ всю ночь длились танцы и мелькали бы между деревьями силуэты пляшущихъ,—въ этомъ шумѣ и ликованіи ей было легче. Когда танцы окончились, она почти обрадовалась, видя, какъ гости-мужчины переходятъ въ сосѣдную палатку и собираются тутъ, возлѣ нихъ, продолжать неоконченный праздникъ.

— Скрипку надо, — скрипку! кричалъ веселый сѣдой старикъ, сильно подвыпившій.—Посылай за скрипкой.

Бараньи шапки размѣстились вокругъ столика, и начался разговоръ по-кабардински. Подали бараній бокъ, и всѣ потянулись руками въ блюдо и стали глотать горячія кости. Привели и скрипку — стараго художника, похожаго больше на чухонца, чѣмъ на кабардинца. Его посадили у стола, дали водки и попросили пѣть. Онъ устави́лъ между колѣнъ трехструнную скрипку и сталъ водить по ней кривымъ, какъ самострѣлъ, смычкомъ такъ, какъ водятъ имъ

віолончелисты. Потомъ онъ запѣлъ гнусливымъ, протяжнымъ голосомъ, удивительно попадая въ униссонъ скрипки. Это было что-то тягучее, безконечное, однообразное. Въ звукахъ слышался скрипъ арбы, бляеніе овецъ, монотонное жите горца. Звуки точно выходили не изъ живого существа, а изъ стараго заброшеннаго органа, у котораго осталось всего двѣ-три трубы, а остальные развалились. Звуки скребли по нервамъ невыносимо, но слушатели, повидимому, наслаждались,— по лицамъ ихъ расплзались блаженныя улыбки, и они, покачивая головами, говорили:

— Хорошо поеть!

— Смотрите, — сказалъ докторъ: — вотъ тотъ высокій, бѣлокурый, братъ Нагуа, — онъ и поджигалъ солому на крышѣ и раненъ былъ Харуномъ, а теперь первый другъ, первый слуга Харуна. Вотъ что значитъ сила!

На свѣту двухъ ярко горѣвшихъ свѣчей ясно рисовалась голова Харуна. Въ сдвинутыхъ бровяхъ и складкѣ, лежавшей между ними, было, въ самомъ дѣлѣ, много характера. Онъ не свалится отъ апоплексіи съ лошади и не станетъ отъ горя напиваться подобно Колѣ. Да и можетъ ли онъ вообще

напиться: ужъ который стаканъ водки онъ пьетъ, а голосъ его такъ-же ровень и методичень, лицо такъ-же весело и спокойно.

Прислонившись къ высокой подушкѣ, Антонина Михайловна смотрѣла въ одну свѣтящуюся точку — пламя свѣчи, сверкавшее изъ за плеча Харуна. Когда онъ наклонялся за кускомъ баранины, пламя становилось видно все; когда онъ отклонялся на прежнее мѣсто, пламя опять превращалось въ звѣздочку. Ноющіе звуки скрипки, сначала рѣзавшіе ее, понемногу стали какъ-то ровнѣе, отдаленнѣе. Кабардинскій говоръ сливался въ одинъ неясный, но гармоничный аккордъ. Но что-то одно мѣшало звучать этому аккорду умиротворяюще и спокойно. Она старалась поймать, удалить помѣху. Она поймала главное: мужъ умираетъ. Но удалить эту помѣху нельзя. Ей вдругъ представилось, что онъ не умретъ, а выздоровѣетъ. Она привезетъ его въ Кисловодскъ, потомъ они поѣдутъ въ Москву. И она ужаснулась этой мысли. Она не могла представить, чтобы опять, послѣ всего того, что было, что случилось сегодня, можно было жить по-прежнему. Но и смерть его казалась не менѣе ужасной. Она не понимала, что ей нужно, и чего ей желать по преимуществу.

ству. А скрипка все ныла, все напоминала что-то жалобное, тоскливое. Фигуры мѣшались и прыгали передъ огнями. Кто-то началъ танцовать на узкомъ пространствѣ между столомъ и входомъ — согнувшись, потому что палатка была низкая. Она еще плотнѣе закуталась въ бурку, закрылась ею до глазъ.

Внутренній толчекъ заставилъ ее пристать. Среди стоявшихъ у входа она увидѣла Колю. Но это былъ не онъ—даже не былъ похожъ на него. Вѣроятно мимолетный сонъ на яву смутилъ ее. Гостей было меньше. Скрипачъ улыбался во весь ротъ и водилъ машинально по скрипицѣ смычкомъ. Мужъ лежалъ подъ буркой, докторъ курилъ. Звѣзды сіяли по-прежнему, только всѣ передвинулись. «Онъ умретъ завтра»,—вспомнила она— и удивилась, отчего она спокойна и даже можетъ спать. «Вѣроятно я очень дурная женщина, или я ужъ очень устала, одно изъ двухъ; столько верстъ верхомъ съ непривычки и потомъ все, что здѣсь случилось». — Потомъ какая-то черная, но спокойная мгла охватила ее и унесла куда-то въ другой міръ, гдѣ никто не пѣлъ, не танцовалъ, не умиралъ, гдѣ только смутно и равномѣрно мыслили, — а значить и жили.

XIX.

Она почувствовала на своей щеке что-то дыхание и проснулась. Яркое солнце одним краемъ вырѣзалось надъ крышей сосѣдней сакли. Возлѣ нея стояло что-то черное, мохнатое. Она быстро отпрянула. Черная фигура тоже отскочила въ сторону и оказалась бараномъ. Она вдругъ вспомнила все и оглянулась. Докторъ сидѣлъ спиной къ ней, возлѣ мужа, и дымъ клубился изъ его трубки. Она встала и подошла къ нимъ. Лицо Виктора было блѣдно и холодно. Она посмотрѣла на доктора.

— Живъ еще, сказалъ онъ.

Солнце пурпурнымъ лучемъ ударило ему на щеку. Въ послѣдній разъ оно вставало для него. Завтра уже не будетъ въ немъ и того дыханія, что теперь подымаетъ грудь. Завтра это будетъ недвижный холодный кусокъ мрамора. Но и сегодня ласкающіе золо-

*

тые лучи скользили безслѣдно по его лицу и не могли возвратить къ жизни то, что уже было невозвратимо.

Розовый дымъ закурился изъ далекихъ хатъ. Старикъ, какого они не видали раньше, перелѣзъ къ нимъ, ухватилъ двумя руками за спину чернаго барана, пощипывавшаго траву, и потащилъ его куда-то за ограду. Изъ балки, гдѣ бѣжала рѣчка, подымались густые пары, и клубились, свиваясь и развиваясь. Вдали послышался топотъ, и проводникъ кабардинецъ на высокой, рослой гнѣдой лошади, не на той, на которой ѣздилъ наканунѣ, показался изъ-за забора.

— Привезъ, все привезъ, — сказалъ онъ, скаля зубы и прыгивая съ лошади.

Чибисовъ сердито началъ вынимать изъ перекидной сумки тщательно уложенные продукты изъ аптеки. Но все это было уже поздно — и эфиры, и шприцы.

— Возьмите, пригодится, — сказалъ онъ, протягивая ей пузырекъ съ валерьяномъ, — вамъ теперь нужны возбуждающія, а у него такой уже параличъ и сердца и легкихъ...

Движеніе началось на дворѣ постепенно, неторопливо. Харунъ пришелъ предложить чая, всѣ отказались. Она сидѣла неподвижно, замеревъ на одномъ мѣстѣ. Вчера гулъ вечерняго праздника и усталость глушили

ея чувства. Сегодня она лицомъ къ лицу стояла со смертью...

— Конецъ! сказалъ докторъ.

Она схватила руку мужа, посмотрѣла ему въ лицо, судорожный спазмъ сдавилъ ей горло, и она зарыдала давно не находившимъ исхода истеричнымъ плачемъ, припавъ на тѣло того, кто раздѣлилъ съ нею послѣдніе пять лѣтъ жизни, и который въ эту минуту ей былъ дороже всего въ мірѣ.

Докторъ торопился съ отъѣздомъ. Для тѣла уже была приготовлена вчерашняя повозка, вся уложенная сѣномъ и коврами. Для Антонины Михайловны достали старую широкую коляску, случайно купленную однимъ изъ богатыхъ кабардинцевъ для своей больной жены. Докторъ торопился отъѣздомъ, надѣясь засвѣтло возвратиться въ Кисловодскъ. Завтракъ прошелъ въ глубокомъ молчаніи, никто не проговорилъ ни слова. Харунъ былъ важенъ и торжествененъ. Одно только онъ и сказалъ:

— Удивительно, куда Коля пропалъ — нигдѣ нѣтъ.

Проводникъ откликнулся, что онъ встрѣтилъ его верстъ за двѣнадцать отъ аула. Онъ проскакалъ, не отвѣтивъ ему на окрикъ, по направленію къ Кисловодску. Онъ узналъ

его только по лошади, потому что было еще темно — до восхода солнца.

Когда Антонина вышла на передній дворъ, она увидѣла того старика, что тащилъ за спину напугавшаго ее барана. Онъ стоялъ у столба, засучивъ рукавъ своего халата, и систематично рѣзалькуски мяса, развѣшаннаго по столбу. У его ногъ лежалъ черный баранъ съ вырѣзаннымъ бокомъ и еще

не помутившимися подъ длинными рѣсницами глазами. Кро-

ви нигдѣ не было видно: мясникъ былъ, должно быть, искусный. Ей вдругъ пришло сопоставленіе: быть можетъ въ одно и то же время былъ заколотъ этотъ баранъ и

умеръ Викторъ. Одного съѣдятъ, о другомъ напечатають въ газетахъ некрологи... Но она сама себя поймала на вздорныхъ, путающихся мысляхъ, и отогнала ихъ.

Поѣздъ тронулся. Докторъ сѣлъ въ коляску къ Антонинѣ Михайловнѣ. Впереди двигалась печальная повозка, сзади ѣхали они. Ихъ предупреждали, что во многихъ мѣстахъ придется выходить изъ экипажа и итти пѣшкомъ, такъ круты и невозможны спуски. Нѣсколько джигитовъ рѣшили ихъ провожать и поѣхали по бокамъ.

Переправились мимо стада черезъ рѣчку и опять вступили въ благоухающую пустыню—такую же голубую и безконечную, какъ и вчера. Пока дорога была хороша и экипажи быстро катились. Кабардинцы носились гдѣ-то по холмамъ на своихъ быстроногихъ коняхъ. Со стороны снѣговыхъ горъ тянулись сѣрая тяжелыя облака. Вдали тихимъ раскатомъ погромыхивали далекіе удары. Возница говорилъ, что это лучше, что въ жару и не вынести лошадямъ такую дорогу.

На полпути, у горнаго ключа остановились. Дождь все еще не шелъ, хотя тучи все росли и Эльбруса не было видно. Напоили лошадей. Вдругъ одинъ изъ кабардинцевъ поскакалъ въ сторону. Черезъ нѣ-

сколько минутъ онъ привелъ на поводу «Ракету». Подруга у нея была отпущена, уздечка разнуздана. Она была уже сухая: видно, что

уже не часъ и не два оставалась здѣсь. Но Коли не было видно вокругъ. Вчерашній костеръ, гдѣ жарили они шашлыкъ — погасъ. Въмѣсто яркаго солнца вокругъ синѣлъ и сѣрѣлъ пологъ надвигавшейся тучи. Антонина Михайловна едва узнала то мѣсто, гдѣ были они вчера въ это же время на травѣ и онъ такъ любовно смотрѣлъ ей прямо въ глаза. Тучи надвинулись. Верхъ у коляски под-

няли. Налетѣлъ вѣтеръ, погнулъ кусты, приподнял холщевыя помы повозки, закрутилъ песокъ на дорогѣ и столбомъ поднялъ его кверху. Холодныя крупныя капли дождя брызнули сбоку. Сверкнула молнія. Изъ черныхъ скученныхъ бѣловато-сизыхъ облаковъ грохнулъ ревъ могучаго раската. Горы эхомъ повторили его. Крупный градъ запрыгалъ по дорогѣ, забилъ по верху коляски, по лошадямъ, по возницѣ. Но переждать бурю было нельзя,—лучше буря, чѣмъ ночь въ пустынѣ,—и поѣздъ торопливо, насколько могъ, двигался все дальше и дальше...

1890—91 гг.

ОТЕЦЪ

Въ самый ливень, моя мокрая тройка остановилась передъ станціей. Это было бѣлое каменное зданіе съ желѣзной крышей, двумя фонарями на красныхъ деревянныхъ столбахъ у подъѣзда, почтовымъ ящикомъ, выгорѣвшимъ отъ южнаго солнца, и какимъ-то печатнымъ объявленіемъ на двери. — Маленькій, сѣденькій, усатый

смотритель выпрыгнулъ мнѣ навстрѣчу, и, освѣдомившись—сильно-ли я промокъ, повелъ меня въ комнаты.

— Лошадей много-съ,—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ. — Ежели полчаса обождете, курьерская свѣжая тройка будетъ. Духомъ домчигъ: у насъ восемнадцать верстъ въ часъ ѣздить,—это не то, что на иныхъ прочихъ трактахъ. — Можетъ чаю прикажете, — или «глазунью» сдѣлать?—ужъ нѣсколько понизивъ голосъ прибавилъ онъ.

Дождь звенѣлъ въ окна, вѣтеръ пригибалъ жидкія деревца въ станціонномъ палисадникѣ. — Отчего-же и не подождать полчаса? Въ комнатахъ было

чисто—видно, что онѣ выбѣлены недавно. Чай съ собою у меня изъ Москвы,—значитъ, самоваръ можно было поставить.

Смотритель, какъ и слѣдовало ожидать, былъ вдовцомъ, подобно пушкинскому станціонному смотрителю, — только, при

этомъ, не имѣлъ дочери. Какъ всѣ смотрители—онъ былъ важенъ, и какъ немногіе—словоохотливъ. Должно быть одолѣли его вѣчныя перебранки съ ямщиками и разговоры съ кривобокой босой дѣвкой, «наставлявшей» самоваръ, и такъ его раздувавшей своими толстыми, малиновыми щеками, что оставалось только удивляться, какъ онъ не лопнуть. Свѣжій человѣкъ — особенно въ дождливую пору — находка.

— А какъ у васъ насчетъ желѣзной-то дороги?—спросилъ я его, когда чай былъ уже налить въ стаканъ, и «глазунья», слегка шкворча на сковородѣ, умѣстилась между самоваромъ и кувшиномъ со сливками.

— Говорятъ, что осенью приступятъ къ изысканіямъ, — степенно отвѣчалъ онъ, отдуваясь и держа блюдо на растопыренныхъ пальцахъ.—Только, если позволите высказать мое мнѣніе,—едва-ли эта линія скоро проведется. Для инженеровъ никакой выгоды нѣтъ.

— То-есть какъ?

— Степь-съ. Паркетъ, а не почва. Инженеру первое дѣло, чтобы уклоны были, чтобы линію можно было винтомъ вести. А здѣсь—ни тебѣ мостовъ, ни тебѣ насыпей. Шоссе—и то невыгодно проводить. Я-съ перевидалъ строителей этихъ много. Извѣстно-

ли вамъ, что я сорокъ первый годъ на службѣ состою?

— Срокъ весьма почтенный. И все на одной станціи?

— Нѣтъ съ. Въсмотрителяхъ я всего тринадцатый годъ. А до тѣхъ поръ состоялъ я

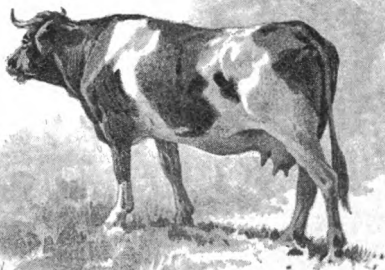

въ таможенныхъ чиновникахъ. Получилъ настоящемѣстопо протекціи. Спокойное мѣсто. Бойко идетъ дѣло только лѣтомъ, а зимой и нѣтъ ничего. Просторъ люблю-сь. Опять же горы на горизонтѣ. Возвышаетъ душу. Унасъ, въ Костромской губерніи, такихъ горъ нѣтъ.

Ежели о снѣговыхъ вершинахъ поразска-
зать, такъ и не повѣрятъ.

— Значить вы довольны?

— Что-же мнѣ, въ одиночествѣ моемъ,
надо? Ситъ, одѣтъ, обутъ, какъ говорится.
А что насчетъ желѣзной дороги, — далекое
это будущее, если можно такъ выразиться.
И далеко не всѣ одобряютъ. Хотя и приня-
то говорить,
что желѣзная
дорога — учре-
жденіе либе-
ральное, одна-
ко оно не всег-
да дости-
гаетъ своей
цѣли. И это
не то чтобы
мое мнѣніе.

Тутъ важная
одна персона проѣзжала на прошлой не-
дѣлѣ—фамиліи не назову—а скажу только,
что соотвѣтствующее министерскому посту
мѣсто въ Петербургѣ занимаетъ. Такъ вотъ
они изволили мнѣ сказать: «Душою отды-
хаю—готовъ день и ночь ѣхать на почто-
выхъ—только-бы не по желѣзной дорогѣ:
сидя закупореннымъ въ купэ, чувствую се-
бя какъ-бы уложеннымъ въ чемоданъ и,

кромѣ того, сознаю себя всецѣло отданнымъ во власть строителямъ и пьянымъ машинистамъ, въ чемъ, не смотря на сочувствіе, никакого либерализма не вижу». И многіе-съ говорятъ то-же. Дѣйствительно, прогрессъ не всегда удовлетворяетъ инстинктамъ души... Что-же вы сливочекъ не возьмете? Корова собственная. Позапрошлой весной одна пала, пришлось купить новую. Сто цѣлковыхъ далъ. Полутиролька съ образцовой фермы. До сихъ поръ еще двадцать рублей осталось за мной—все сколотиться не могу...

Въ двери заглянулъ стриженный малый въ огромныхъ сапогахъ.

— Василий Никитичъ, штрафное письмо принесли — принять просятъ — неожиданно, тонкимъ голоскомъ сказалъ онъ.

— На много? — полуоборотясь спросилъ Василий Никитичъ.

— На сорокъ два рубля.

— Подождутъ — не суть важно!

Онъ не торопясь допилъ стаканъ.

— Извините — на минутку оторвусь по дѣламъ службы: денежное письмо приму.

Онъ поклонился и, насупись, съ дѣловымъ видомъ вышелъ изъ комнаты.

Я сталъ смотрѣть кругомъ. На стѣнѣ висѣли неизбѣжныя олеографіи въ убогихъ рамкахъ. Скатерть на столѣ была грубая, тяжелая. Углы стульевъ протерлись, шторы у оконъ были въ какихъ-то ржавыхъ пятнахъ. Засиженные мухами Скобелевъ и Черняевъ хмурились изъ подъ зеркала. Все такъ знакомо, бѣдно и печально. Вдругъ въ углу я увидѣлъ что-то блестящее и яркое, совсѣмъ не идущее къ остальной обстановкѣ. Я подошелъ къ маленькому столику, накрытому вязаной скатереткой, такой, какія вяжутъ поповны да помѣщицы, страдающія ревматизмомъ. На столикѣ лежалъ альбомъ изъ золотистаго плюша съ массивными застѣжками и крупными инициалами на крышкѣ. Подъ буквами поставлены были цифры года. Я открылъ крышку. На первомъ мѣстѣ былъ посаженъ портретъ хорошо-знакомаго мнѣ доктора, пользовавшагося громкою извѣстностью. На второй страницѣ было изображеніе его жены—съ цвѣткомъ на груди и неестественно-скошенными глазами. Далѣе альбомъ былъ пустъ, и только въ одномъ мѣстѣ сиротливо приткнулась въ бокъ пустой рамки маленькая карточка Василя Никитича въ мундирѣ почтоваго вѣдомства,

съ рукой заложеной за борть сюртука и съ густо-начерненными усами.

— Смотрите альбомъ? — оживленно заговорилъ Василій Никитичъ, появлясь въ комнату. — Хорошая вещица, дорогая.

— Подарокъ?

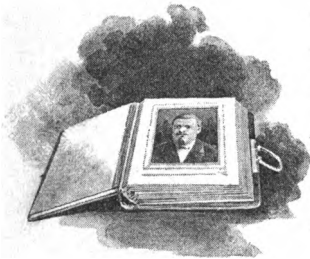
— Какъ-же-съ, отъ сынка моего.

— А зачѣмъ-же у васъ портретъ этотъ на первомъ планѣ? — я показаль на карточку доктора.

— Да это мой сынокъ и есть.

Должно быть на лицѣ моемъ выразилось крайнее изумленіе, потому что смотритель усмѣхнулся и самодовольно провелъ по усамъ рукою.

— Знаменитость! — любовно проговорилъ онъ, смотря на бородатое, скуластое лицо сына. — Вѣдь какъ, подумаешь, природа хитро распоряжается. Чтò я такое — мелкая сошка, ни во мнѣ талантовъ, ни учености. Окончилъ курсъ въ пансіонѣ женскомъ. Ей Богу! У насъ въ городѣ пансіонъ былъ для дѣвочекъ — мадамъ Лабишъ держала, — такъ я тамъ у нихъ съ дѣвочками и учился. Жена была тоже, такъ, изъ захудалыхъ дворяночекъ. И вдругъ у насъ нашъ Сереженька — на такую высоту! Европейская извѣстность!

- На консилиумы во дворецъ приглашаютъ, за визиты по сту рублей платятъ... Лестно для отца, лестно!.. Даже, знаете, не вѣрится, что это сынъ мой. Какъ-же это, думаешь, неужто это тотъ Сергунька, котораго я собственноручно дралъ, когда онъ переходнаго экзамена въ четвертый классъ гимназiи не выдержалъ? Странныя комбинаціи судьбы.

— Вы видите съ нимъ?

— Какъ-же-съ! Мнѣ, конечно, по дѣламъ службы отлучаться неудобно, да и неловко. А вотъ онъ въ прошломъ годѣ проѣзжалъ и альбомъ оставилъ. Очень это приятно отцовскому сердцу. И съ супругой вмѣстѣ пріѣхалъ.

— На долго?

— На цѣлый день-съ.

Тринадцатаго iюня это было. Супруга его, а моя сноха, тоже изъ первыхъ столичныхъ дамъ: урожденная баронесса фонъ-Штирихъ. Красавица! По портрету можете судить. Вся въ вальянсьенахъ, какъ по-французски говоритъ— истая французинка. И при томъ со мной поцѣловалась. Я сквозь перчатку ручку ея поцѣловалъ,—а она меня прямо въ губы, и притомъ не обнаружила ни малѣйшей брезгливости.

Воспитывалась она въ Петербургѣ, въ пансіонѣ мадамъ Труба, гдѣ, сколь вамъ извѣстно, даже русскую словесность на французскомъ языкѣ читаютъ, о чемъ она сама мнѣ со смѣхомъ говорила. И притомъ состояніе за ней огромное. Два дома въ Москвѣ, подмосковная, серебряные пріиски на Кавказѣ.

— А на свадьбѣ вы были?

Василій Никитичъ состроилъ испуганное лицо.

— Что вы! Какъ-же можно-съ! Они вѣнчались съ пышностью и торжественностью. Мое присутствіе нарушило-бы этикетъ. Вѣдь у него на свадьбѣ два товарища министра были, которыхъ онъ пользуется. Все чины высокопоставленные, съ тонкимъ образованіемъ, и вдругъ, съ позволенія сказать, какой-нибудь коллежскій ассесоръ, смотритель опольевской станціи!

— Но вѣдь вы-же отецъ!

— Это вы насчетъ кровнаго родства? — Міръ иной-съ. Я отлично постигаю, что ему не то чтобы стыдно родителя, а, какъ-бы такъ сказать, неловко. Вѣдь я буду равно-бы какой австраліецъ между нихъ. Въ почтовомъ мундирѣ, бритая рожа, усы какъ у таракана. Конечно, изъ любезности всѣ мнѣ руку протягивать будутъ, но вѣдь это не ради-же меня, а ради сына. Разъ онъ меди-

цинскую карьеру дѣлаетъ, такъ ужъ надо твердо эту линію держать, а я ему, и Господи, какъ могу напортить. Теперь знатные пациенты думаютъ, что у него отецъ давно померъ, и даже не интересуются знать, кто такой онъ былъ. А тутъ вдругъ такая физія въ потертомъ платьѣ и съ глупой улыбкой. Вся обѣдня попорчена!

— А вамъ не тяжело одному?

Рѣзко поставленный вопросъ заставилъ Василю Никитича какъ-то вздрогнуть. Онъ отвернулся и началъ наливать себѣ простывшаго чая.

— Извѣстно, подъ старость уголь каждому имѣть хочется,—какъ-бы про себя проговорилъ онъ.—Ну, да вѣдь я съ голода-то не подохну. Слава тебѣ Господи, пенсія есть. А ежели-бы туго пришлось, пришелъ-бы къ сыну: «такъ и такъ, молю, силъ не хватило: корми-пой старика». Только этого никогда не будетъ. Изъ чужихъ рукъ смотрѣть не люблю. Всю жизнь самъ себѣ головой былъ и ни въ комъ не нуждался. Что мнѣ въ томъ, что у нихъ, можетъ, на серебрѣ подаютъ, да лакеи во фракахъ служатъ? Я не привыкъ къ этому. И безъ расписного потолка проживу. Сказалъ, кажется, Юлій Цезарь, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ; а я доложу вамъ,

что тѣмъ паче пріятнѣе быть первымъ на почтовой станціи, чѣмъ послѣднимъ въ домѣ. Ну, да не въ этомъ дѣло. А хотѣлъ я васъ спросить: въ самомъ дѣлѣ хорошій лѣкарь изъ него вышелъ?

Я похвалилъ.

— Былъ онъ тутъ у меня,—нахмурыся заговорилъ Василій Никитичъ.—Я и жалуюсь ему, что ревматизмъ началъ ноги одолѣвать. Онъ такъ равнодушно къ этому отнесся: ходи, говоритъ, круглый годъ въ валенкахъ. Хоть-бы посмотрѣлъ, постукалъ гдѣ. А за женой, между прочимъ, весьма ухаживаетъ, самъ лимонъ ей отрѣзалъ въ чай; головку ей щупалъ, не болитъ-ли отъ дороги.

— Отчего-же, вотъ когда вы въ коровѣ нуждались, онъ вамъ денегъ не прислалъ?

Густая краска прилила ко лбу и щекамъ Василія Никитича. Онъ усердно началъ мѣшать въ стаканѣ плохо-тающей сахаръ.

— Я не счелъ нужнымъ ему писать объ этомъ,—тихо возразилъ онъ.—Я говорилъ ему, во время проѣзда его, что коровку купить собираюсь, да такъ, между ушей, онъ пропустилъ. Тутъ, вдобавокъ, какъ разъ генералъ Птахинъ съ генеральшей нашимъ трактомъ слѣдовали, ну—и не удалось поговорить какъ надо. Пріѣхалъ Птахинъ,

узналъ, что здѣсь Серега, и сейчасъ выльѣзъ, обнялись, цѣловались. Тутъ вотъ я и понялъ, что совсѣмъ мнѣ не мѣсто у сына въ квартирѣ быть. Я все ждалъ, что Сергѣй представить меня, потому что мнѣ безъ представленія сѣсть при генералѣ неудобно, а стоять у притолки при сынѣ тоже не идетъ. А Сергѣй о томъ, о семъ, обо мнѣ ни слова. А потомъ генералъ вдругъ осердился за то, что Сергѣй у него растяженіе желудка нашель, и началъ кричать на меня: «Что-же, такой сякой, скоро у тебя лошади будутъ?»— А Сергѣй уткнулся въ рецептъ, пишетъ и ничего не слышитъ вокругъ. Потомъ вмѣстѣ они поѣхали. Сергѣй выльѣзъ изъ коляски, просилъ всѣхъ подождать съ минутку, вынесъ мнѣ этотъ альбомъ: «тебѣ, говоритъ, отецъ, на память». Обнялъ меня: «будь, говоритъ, здоровъ, если заболѣешь — пиши: пришлю совѣтъ; — ты, говоритъ, не стѣсняйся, Бога ради...» А жена его заговори-лась съ Птахиной и не простилась. Ну, да оно и понятно, свѣтская дама. Она меня даже назвала не свекромъ, а тестемъ — и этого не знаетъ.

Онъ допилъ стаканъ залпомъ. — Никто, какъ судьба, — заключилъ онъ.

Дверь опять скрипнула, и та-же стриженая голова высунулась въ щель.

— Готово, — скороговоркой буркнулъ онъ и скрылся.

— Пожалуйте, курьерская троечка, — проговорилъ Василій Никитичъ и началъ помогать мнѣ собираться. — Дождь на время пересталъ. Низкія сѣрья тучи неслись, цѣпляясь за острые выступы горъ, синѣвшихъ своими тяжелыми громадами. У мокраго крыльца, сдерживая горячихъ лошадей, сидѣлъ на козлахъ коляски ямщикъ съ оловянной бляхой на рукавѣ. Хвосты у коней были подвязаны и верхъ у коляски низко спущенъ.

— Что-же, кланяться отъ васъ сыну? — спросилъ я, пожимая смотрителю руку.

— Кланяйтесь, отчего-же... Только... вы пожалуйста ничего такого насчетъ меня... о коровѣ и прочее... Мнѣ ничего не надо.

Я сѣлъ въ экипажъ. Онъ подошелъ вплотную и взялся рукою за кожаный фартукъ.

— Мнѣ ничего не надо, — повторилъ онъ. — У меня есть отложенныхъ двѣсти

рублей на похороны — я ни въ комъ не нуждаюсь.

Ямщикъ тронулъ. Василій Никитичъ приподнялъ свою бѣлую фуражку. Станціонный домикъ съ каменной оградой дворика и двумя пестрыми свиньями быстро мелькнулъ и остался назади. Лошади горячо и ровно катили экипажъ; опять началась степь, и нить телеграфныхъ столбовъ опять замелькала справа, еще болѣе усиливая однообразіе безконечной дороги.

Въ ту же осень, въ Петербургѣ, уже въ концѣ ноября, я заболѣлъ обычной сѣверной простудой и послалъ за Сергѣемъ Васильевичемъ. Онъ пріѣхалъ на другое утро въ маленькой неллисовской кареткѣ, такой же блестящей и довольный, какъ всегда. Я его еще ни разу не видалъ съ лѣта. Какъ всегда, внимательно и серьезно онъ меня выслушалъ; пошутилъ насчетъ опасности моего положенія, рассказалъ самую свѣженькую сплетню о женѣ одного высокопоставленнаго лица и сѣлъ писать рецептъ.

— Вы знаете, я прошлымъ лѣтомъ познакомился съ вашимъ батюшкой, — внезапно сказалъ я.

Онъ остановился писать и поднялъ на меня свои осторожные пронизательные глаза.

— Гдѣ? — спросилъ онъ. — Въ Опольѣ?

— Да. Мѣнялъ я тамъ лошадей, увидѣлъ вашъ альбомъ и разговорились.

Онъ опустилъ глаза и началъ снова писать.

— Отецъ вѣдь умеръ, — сказалъ онъ, дѣлая росчеркъ подъ своей фамиліей.

— Когда? — удивился я.

— Недѣль шесть назадъ. Я даже ужъ наслѣдство получилъ.

Онъ усмѣхнулся снисходительной улыбкой.

— Вы сами ѣздили?

— Нѣтъ, вы знаете, я не могу отлучиться, такая практика. Онъ писалъ мнѣ, что боленъ. Ну, да вѣдь и годъ его не малые, пора и честь знать. Я посылалъ туда моего повѣреннаго. Продали съ аукціона какую-то корову, хламъ всякій, рублей на пятьсотъ всего.

Онъ всталъ и подаль мнѣ свою мясистую, красивую руку.

— Хорошій былъ старикъ, — прибавилъ онъ уже въ прихожей. — Въ бреду передъ смертью, говорятъ, все поминалъ меня, говорилъ, что я его гордость. Конечно, онъ могъ-бы еще пожить, но въ сущности кому онъ былъ нуженъ?

Тщательно застегнувъ пуговицы великолѣпнаго пальто, онъ надѣлъ нѣсколько на

бочекъ шляпу и, еще разъ протянувъ руку,
сказалъ:

— Такъ не
забудьте, мазью

натритесь сейчасъ, а порошки на ночь.

И я увидѣлъ изъ окна, какъ маленькая

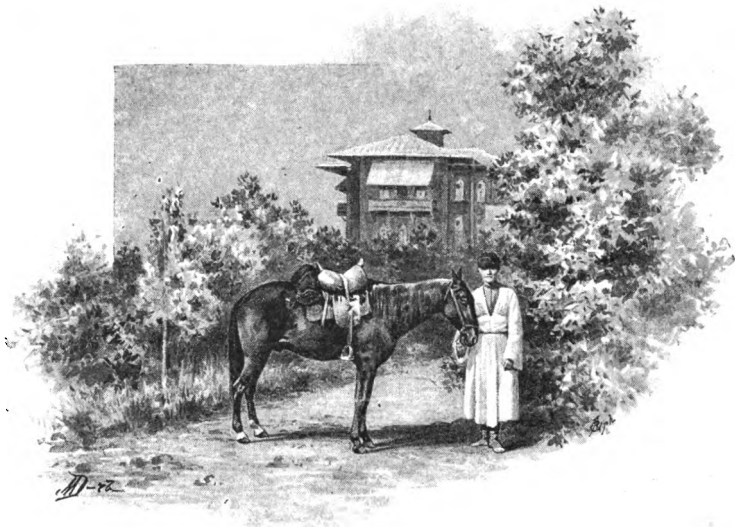
каретка, стѣбившая столько, что на нее можно было купить цѣлое стадо тирольскихъ коровъ, запрыгала мягко по мостовой и скрылась въ сѣромъ утреннемъ туманѣ.

1890 г.

БѢЛЫЕ МАЛЬЧИКИ

АСАНА

I.

Мы собрались съѣздить въ дальній ауль. Днемъ на Кавказѣ путешествовать нельзя: сорокаградусный жаръ (а иногда ртуть подымается и до пятидесяти) дѣлаетъ немислимымъ всякую возможность передвиженія, — и только почтовые лошади по привычкѣ кое-какъ скачутъ; да и то пристяжные — тѣ, что съ солнечной стороны — падаютъ отъ удара. Единственная возможность — ѣхать вечеромъ и ночью.

Такъ мы и сдѣлали. Въ семь часовъ подвели мнѣ моего рыжаго кабардинца, — тон-

коногаго, тонкошеяго конька, я привязаль бурку за сѣдло, и мы тронулись. Ёхаль со мной толстый поручикъ Новохозовъ, командовавшій какимъ-то мѣстнымъ отрядомъ, и старый азіатецъ Измаиль, вѣчно мрачный и сосредоточенный. Поѣхали мы въ ауль по давнишнему приглашенію одного пріятеля-кабардинца,—поѣхали, потому-что было два дня свободныхъ.

Сдѣлать верхомъ пятьдесятъ верстъ по холодку—это прогулка. Когда мы выѣхали, солнце стояло еще высоко, хотя золотистые лучи его уже переходили въ пурпурные отѣнки. Но когда мы вступили въ горы, свѣтъ сразу померкъ: со всѣхъ сторонъ обняли насъ горные отроги; сіяющее, дрожащее мерцаніе вечера осталось гдѣ-то на верху. Кони стучали подковами и плыли тою гладкою иноходью, которая такъ цѣнится здѣсь, въ горахъ. Горный воздухъ былъ прозраченъ и разрѣженъ, сухъ и приторенъ отъ ароматныхъ травъ, покрывавшихъ склоны горъ и ущелій. Мнѣ — сѣверному уроженцу влажныхъ морскихъ побережій, садовъ, съ аллеями цвѣтушихъ липъ и душистыхъ сиреней,—мнѣ чуждъ и дикъ былъ Кавказъ, съ своей чахлой растительностью, кривыми чинарами, вытянувшимися стрѣлами тополями,—съ этими взлетающими къ верху изло-

.....
мами горъ и
утесовъ, точ-
но застыв-
шихъ въ ка-
кихъ-то ад-
скихъ кон-
вульсіяхъ.
Здѣсь, на
югѣ, сѣвер-
ный чело-
вѣкъ дышетъ

тяжело, томительно. Яркія
багровыя краски заката не
радуютъ его, а рѣжутъ
глазъ. Густое синее небо
нависаетъ надъ головою. Го-
ры стѣсняють кругозоръ—
чувствуешь себя сдавлен-
нымъ, полубольнымъ.

Дорога ползла между скаль. Слѣва тя-
нулся обрывъ куда-то внизъ, гдѣ бѣжала
рѣчка. Небеса темнѣли, ночной холодокъ
набѣгалъ изъ ущелій. Пришлось отстегнуть
ремни и надѣть бурки. Въ буркѣ—точно въ
футлярѣ: она покрываетъ всего до пятъ,
даже руки подъ буркой—и правишь изъ-
подъ полы поводами. Ея круглый низъ ле-
житъ попоной на крупѣ лошади, и тепло
скопляется между спиною и буркой и со-

Дорога ползла между скаль. Стѣна
тянулася обрывъ. . . .

грѣваетъ всадника. Если посмотрѣть на такого всадника сзади — совершенный центавръ, — лошадиныя ноги и хвостъ, — а верхъ человѣчій. Ужъ не создали-ли греки образъ центавровъ, увидѣвъ нѣкогда кабардинцевъ въ ихъ буркахъ?

Мы рѣшили ѣхать безъ остановки. Измаиль утверждалъ, что знаетъ дорогу, и смѣло ѣхалъ впередъ. Я съ Новохозовымъ ѣхалъ рядомъ; наши кони, пофыркивая и поводя тонкими ушами съ кисточками на концахъ, какъ у рыси, шли ровно, то переходя на карьеръ, то снова идя иноходью. Разговоръ не клеился. Синяя туча на западѣ показывала, что гдѣ-то въ сторонѣ гроза.

II.

Сумерки сгустились. Дорога стала коричнево-сѣрой. Лошади не сбавляли шага, но пришлось совсѣмъ опустить поводья и предоставить имъ самимъ выбирать путь. Гдѣ-то далеко зажглись костры пастуховъ. Луна должна была взойти позже, но ея зарева еще нигдѣ не замѣчалось на горизонтѣ.

— А вѣдь Измаиль ведетъ насъ наугадъ, — сказалъ Новохозовъ — Мы, кажется, вмѣсто аула попадемъ къ чорту въ лапы; знаете, тутъ такія кручи естъ: кувырнешься внизъ,

костей не подберешь. Отвѣсныя скалы на версту внизъ идутъ. Только вся и надежда на коней.

Ночь заволокла все непроглядной тьмой. Дорога пропала. Незнакомыя мѣста неприятно дѣйствовали на лошадей: они тоже теряли увѣренность и ничего бы, кажется, не имѣли, если бы мы поворотили назадъ къ дому.

— Измаиль, — куда ты ведешь, азіатская твоя образина? — крикнулъ поручикъ. — Остановись, мы дальше не ѣдемъ.

Измаиль подѣхалъ къ намъ.

— Да, лучше ждать будемъ. Мѣсяцъ взойдетъ, тогда поѣдемъ. Теперъ костеръ сложимъ, сидѣть будемъ.

— Какой тамъ мѣсяцъ! — огрызнулся Новохозовъ, — мы еще въ такой ваннѣ выкупаемся! Вонъ ползеть облава!

И онъ показалъ на черный пологъ, гдѣ играли зарницы и пересыпались молніи.

— Не надо было ѣхать, надо было дома сидѣть, — засмѣялся Измаиль, точно радуясь, что будетъ ливень.

Костеръ, оказалось, сложить было не изъ чего: вокругъ, кромѣ камней, не было ничего. Лошадей связали, а сами закутались въ бурки и молча сѣли на землю. Измаиль сосредоточенно сосалъ трубку и кряхтѣлъ.

Зигзаги молній змѣнились все ближе. Ро-

котаніе грома доносилось и съ боковъ, и сверху. Но дождя еще не было.

— Пршрое воскресенье я ѣду, — заговорилъ Измаиль, — ѣду степью подъ Бештау. А на Змѣиной гроза. Такъ на ухахъ у моего сѣраго огни

были. Передъ грозой бываетъ:

на самомъ кончикѣ, точно искра. На обоихъ ухахъ. Это часто у насъ.

А ливень все-таки хлынулъ. «Нѣтъ, ужъ лучше ѣхать», — рѣшилъ поручикъ, и мы снова сѣли въ сѣдла. Измаиль опять тронулся впередъ, а наши лошади начали жаться другъ къ другу, такъ что стремена

то и дѣло звонко стучались одно объ другое. При вспышкахъ лиловыхъ молній, виденъ былъ центавръ-Исмаиль въ нѣсколькихъ саженьяхъ впереди насъ, — но и признака дороги не замѣчалось. Бурки не пропускали воды, только это было слабое утѣшеніе.

Вдругъ мы почувствовали, что лошади стали спускать насъ куда-то внизъ. Онѣ осторожно переступали передними ногами и скользили задними, присѣдая и фыркая. Пришлось отвалиться назадъ, чтобы не куврнуться чрезъ голову.

— Чтобы чортъ побралъ всѣ эти горы, — огрызнулся Новохозовъ. — Здѣсь ни за что ни про что шею свернешь.

— Не поминай чорта, — отозвался Исмаиль. — Тутъ какъ разъ Чортово кольцо будетъ.

— Говорилъ я вамъ, что попадемъ мы къ нему, — подтвердилъ поручикъ. — Должно быть, миленькое колечко, куда насъ ведетъ этотъ каторжникъ... Я качусь, какъ на лыжахъ: лошадь скользитъ всѣми четырьмя ногами.

Наконецъ, кони пошли ровной дорогой.

— А что вы думаете о хорошемъ шашлыкѣ и стаканѣ коньяку, или хотя-бы ихъ подлаго кахетинскаго? — не безъ грусти за-

говорилъ поручикъ. — Я-бы не прочь былъ поужинать сегодня и у дьявола въ его кольцо, если только онъ ѣстъ баранину.

— Здѣсь нельзя, не ѣзжай сюда! — крикнулъ Измаиль.

— Ну, кого еще увидѣлъ?

— Тутъ круча внизъ, дальше нѣтъ дороги.

— Въ хорошее мѣсто пріѣхали. Что-же намъ дѣлать? Я тебя, ей-Богу, побую, Измаиль. Ты мой кулакъ знаешь: не куричья голвка, не пухомъ набита, свинцомъ налита!

Ш.

Время шло. Дождь все лилъ и лилъ. Сырость забиралась и подъ бурку. Гроза бушевала. Облака спустились внизъ, въ пропасть, что дымилась подъ нашими ногами. Поручикъ ругался. Измаиль молчалъ.

— Надо свѣту дождаться, предложилъ я.

— До свѣту-то еще часовъ пять, отвѣчалъ Новохозовъ.

Мы замолчали. Дождь лилъ однообразно, однотонно. Вдали послышался стукъ подковъ. Мы, на всякій случай, потянули изъ кобуръ револьверы.

— Измаиль? раздался голосъ изъ темноты.

— Измаиль! отвѣтилъ нашъ проводникъ.

— И гости съ тобой?

— Всѣ здѣсь. — Ну, вотъ, Туга нашелъ насъ. Вотъ умный какой Туга.

Къ намъ подъѣхали черныя фигуры двухъ кабардинцевъ и пожали своими мокрыми отъ дождя руками наши мокрыя руки.

— Я искать васъ поѣхалъ, — радостно заговорилъ Туга. — Вы совсѣмъ съ дороги сбились. Ѣдемъ домой. Тутъ версты четыре не больше.

Бодрость и даже веселье охватило насъ. Мы крупной иноходью тронулись вдоль обрыва.

— Туга, — вы насъ покормите теперь, ночью? не выдержалъ въ себѣ своей завѣтной мысли Новохозовъ.

— Я вамъ курицу дамъ, я вамъ чай дамъ, — сказалъ Туга и засмѣялся. — И водки дамъ, прибавилъ онъ лукаво.

— Вы очень умный человѣкъ, Туга, — серьезно похвалилъ его поручикъ. — Я, признаюсь, побаивался, чтобы вы не напоили насъ вашей бузой. Не люблю я вашей бузы. Но я вижу, что вы серьезно думаете о гостепріимствѣ. — Я вашей женѣ везу въ подарокъ чудесный шелковый платокъ...

Черезъ полчаса мы подъѣзжали къ аулу. Пѣнистый вздувшійся отъ ливня потокъ мы

перешли, плотно прижавшись боками коней другъ къ другу. Туга поскакалъ впередъ приготовить намъ встрѣчу, и насъ у поворота во дворъ встрѣтилъ заспанный мальчишка съ фонаремъ въ рукахъ.

Въ саклѣ было тепло, свѣтло и сухо. Туга былъ радъ гостямъ. Самъ ходилъ въ сѣни и смотрѣлъ, кипить-ли самоваръ. Самъ наливалъ водку, самъ набросалъ сѣна на полъ и покрылъ его коврами и мутаками. Поручикъ растянулся съ нескрываемымъ наслаждениемъ, и послѣ шестой рюмки водки не отказался выпить ковшикъ бузы.

— Скажите, гостепріимный другъ мой,— говорилъ онъ,— чему мы обязаны, что вы нашли насъ въ этомъ подломъ потопѣ? и какъ вы узнали, что мы торчимъ именно на этой гнусной вышкѣ?

Тугà улыбулся.

— Я зналь. Я такъ туда прямо и поѣхаль.

— Почему-же вы знали, почтеннѣйшій?

— Мнѣ сказали. Мнѣ одинъ человекъ сказалъ,

который видѣль васъ.

— Гдѣ видѣль?

— Тамъ, у Бермаута. Онъ отсюда васъ видѣль. Онъ пришелъ и сказалъ: поѣзжай за гостями, они тамъ, у каменнаго человека, ждутъ тебя. Я поѣхаль и нашель васъ.

— Постойте,—сказаль я:—я знаю, кто это. Вамъ сказалъ Асанъ?

Тугà кивнулъ головою.

— Чортъ, отъ этой бузы я перестаю понимать человѣческую рѣчь, — заговориль Новохозовъ, — положительно это баранье пойло не для европейскаго горла... Я не знаю, кто пьянь: я, или нашъ уважаемый

хозяинъ. Впервыхъ, что такое за каменный человекъ?

— Не знаете? Изъ камня такой сдѣланъ. Стоитъ на горѣ... Вы тамъ и были...

— Стойте. Какъ-же вашъ Асанъ видѣлъ насъ отсюда?

— Онъ далеко видитъ. Онъ все видитъ. Онъ Пятигорскъ видитъ. Онъ Черное море видитъ.

— Нѣтъ, мы объ этомъ поговоримъ завтра, когда будемъ трезвы, — благоразумно рѣшилъ поручикъ и, поудобнѣе завернувшись, вытянулся на сѣнѣ.

IV.

Я слышалъ про Асана давно. Говорили, что онъ колдунъ. Онъ былъ какой-то бродячій лѣкарь, Богъ его знаетъ какого происхожденія. Онъ учился когда-то въ медресе, потомъ, увѣряли, перешелъ въ буддизмъ, былъ и въ Меккѣ, и ходилъ на Индъ. Появлялся онъ на Кавказѣ періодами. То его увидятъ въ Грузіи, то въ Сванетіи, то въ Кабардѣ. Его не боялись, но уважали, считая пророкомъ, избранникомъ божіимъ. Я не зналъ, что онъ здѣсь, и былъ радъ съ нимъ познакомиться.

— Асанъ великій человекъ, — задумчиво

сказаль Тугà. — Онъ пришелъ сегодня, говоритъ: скачи за гостями. Я не звалъ его, самъ пришелъ, самъ сказалъ. Я сейчасъ сѣдлать велѣлъ. Асанъ напрасно говоритъ не будетъ.

— А онъ зналъ, что мы пріѣдемъ? спросилъ я.

— Онъ все знаетъ, и что вы здѣсь теперь - знаетъ, и что завтра будетъ, и что дома у васъ будетъ—все знаетъ. Онъ горы раздвигаетъ. Того никто не дѣлалъ. Магометъ не двигалъ горы. Прошлымъ лѣтомъ онъ собралъ весь аулъ и говоритъ: хотите, я вамъ степь покажу? Смотрите въ ту сторону. И мы всѣ смотрѣли, и горы пошли, какъ тучи, и совсѣмъ раздвинулись. И весь аулъ увидалъ степь, — и Бештау на ней — всю вплоть до Машука. И цѣлый день такъ раздвинуты были горы. Только къ вечеру стали сдвигаться опять, какъ тучи пошли другъ за другомъ и стали на мѣсто.

Измаиль кивнулъ головой.

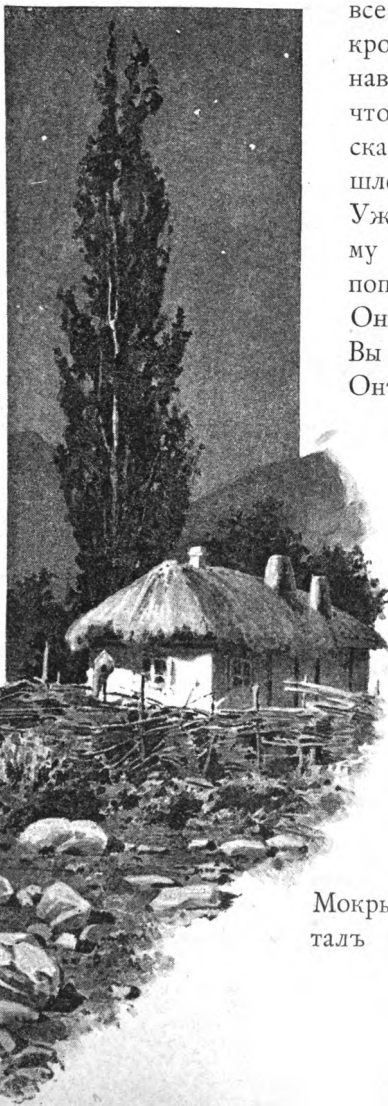
— Я помню, при мнѣ это было, сказалъ онъ.

— Каковы черти? засыпая спрашивалъ кого-то поручикъ.

— А онъ говоритъ по-русски? спросилъ я.

— По-русски не говоритъ, а по нашему говоритъ. Хотите, я позову его утромъ? Онъ

вамъ скажетъ что нибудь, спросить у него—

все скажетъ. Онъ
кровь прямо оста-
навливаетъ тѣмъ,
что дунетъ. Онъ
сказалъ въ про-
шломъ году, что
Ужипса въ тюр-
му попадетъ. И
попалъ Ужипса.
Онъ все знаетъ.
Вы увидите его.
Онъ. придетъ, я
пошлю за
нимъ.

Я заснулъ
подъ его го-
воръ, согрѣ-
тый чаемъ,
который онъ
заваривалъ
совсѣмъ по
европейски.
Онъ поту-
шилъ свѣчу
и вышелъ.
Гроза утихла.
Мокрый тополь шеп-
талъ что-то подъ

окномъ. Свѣтъ поздней луны пробивался чрезъ окно и бѣлымъ пятномъ стоялъ на выбѣленной стѣнѣ. Пахло сѣномъ и водкой, голова кружилась. Я часто вздрагивалъ и просыпался.

Наконецъ, я почувствовалъ, что спать больше не могу. Поручикъ храпѣлъ и что-то говорилъ во снѣ. Было душно. Въ окно брезжилъ разсвѣтъ. Я вышелъ изъ сакли.

Утро обѣщало чудесный день. Спящая двуконечная пирамида Эльбруса, этого допотопнаго вулкана, гигантскою декорациею возносилась вверхъ изъ зыбучаго дымаго полога ночныхъ облаковъ, ночевавшихъ въ его разсѣлинахъ. Внизу было сине, лилово, темно. Наверху все розово, прозрачно, золотисто. Невидимое солнце уже зажгло на

его вершинахъ пурпурныя искры. Лѣвѣе — вся снѣжная цѣпь колыхалась и плавала въ

туманахъ — и вершины ея, какъ остро-

ва, вздымались изъ сянго моря облаковъ.

Мѣстами и въ этихъ густыхъ

клубахъ сверкали живыя румяныя

краски, то загораясь,
то потухая, то за-
волакиваясь напол-
завшими арміями
тучь, то выступая
мягкими волнами
дѣвственнаго снѣга.

V.

Я сидѣлъ на выступѣ скалы и не могъ оторвать глазъ отъ этой картины. Какъ пи-еагореецъ, я готовъ былъ обратить гимнъ къ восходящему свѣтилу. Его красный щитъ уже вырѣзался изъ-за далекихъ вершинъ и

брызгаль острыми лучами по горнымъ изломамъ. Стада пестрыми пятнами спускались въ долину. Ауль курился всѣми трубами.— но движенія было еще мало.

Сзади слышались шаги. Это шелъ нашъ хозяинъ, и съ нимъ—его не трудно было узнать сразу—самъ Асанъ. Я такъ и впился въ него глазами.

Ему было за сорокъ. Длинные черные волосы были уже съ просѣдью. Небольшая борода окаймляла лицо, словно вылитое изъ бронзы. Черные глаза, подъ опушкою длинныхъ рѣсницъ, сіяли спокойно и безмятежно. Въ рукахъ его былъ посохъ, на который онъ опирался увѣренно-красивымъ движеніемъ.

Туга́ протянулъ мнѣ руку. Асанъ поздоровался какъ-то одними глазами и остановился въ картинной позѣ, какъ будто чего ожидая.

— Самъ пришелъ,—радостно заговорилъ Туга́.—Я выхожу изъ сакли, а онъ идетъ. Вотъ и пришли мы.

— Поблагодарите его, Туга́, сказалъ я,— за его вчерашнюю любезность: еслибъ не онъ—быть можетъ мы до сихъ поръ плутали бы въ горахъ.

Туга́ обратился къ нему съ переводомъ, но онъ движеніемъ головы показалъ, что

понялъ, и уставился на меня, какъ бы вызывая на продолженіе.

—Но, скажите, Асанъ,—продолжалъ я,—какъ же вы можете въ такую тьму и черезъ горы видѣть на столько верстъ?

Онъ улыбнулся и, покачавъ головою, сталъ тихимъ пѣ-

вучимъ
голосомъ
говорить что-то
Туга. Туга слу-

шалъ, высоко поднявъ брови и словно оторопѣвъ. Потомъ Туга обратился ко мнѣ, съ трудомъ оторвавшись отъ разсказа.

— Онъ говоритъ такое дѣло,—началь онъ,—что мы и понять не можемъ. Онъ го-

*

ворить, что онъ видитъ такъ, какъ всѣ люди: какъ я вижу, какъ ты видишь, какъ всѣ видятъ. А къ нему приходятъ изъ горъ два бѣлыхъ мальчика, которые и рассказываютъ ему, что нужно, а онъ ихъ слушаетъ и передаетъ кому слѣдуетъ, что надо сдѣлать.

— Какіе же это мальчики?

— Они въ бѣлыхъ одеждахъ и съ золотыми поясами, которые перекрещены на груди,—рассказывалъ Асанъ, а Туга переводилъ.—Они живутъ въ горахъ, неподалеку отъ меня, и приходятъ ко мнѣ не тогда, когда я хочу, но тогда, когда они хотятъ и когда надо. Они приходятъ и говорятъ: «Асанъ, насъ послали къ тебѣ. Въ пяти верстахъ отсюда заблудились гости Туга. Онъ долженъ ѣхать за ними». Я кланяюсь имъ и иду къ Туга и говорю, что дѣлать. Потомъ они приходятъ и говорятъ: «Асанъ, насъ прислали къ тебѣ. Иди и исцѣли судороги у жены Ибрагима, возложивши на нее руки». Я кланяюсь имъ, иду и возлагаю руки, и судороги прекращаются.

— Что же это за мальчики? спросилъ я.

Онъ опять улыбнулся и покачалъ головой на мою наивность.

— Они двѣнадцать лѣтъ за мною ходятъ. Я иду въ горахъ, и они за горами идутъ по тому же направленію. Я иду въ Мекку,—и

они идутъ въ Мекку. Впервые они пришли ко мнѣ въ Агрѣ и съ тѣхъ поръ не покидаютъ меня. Они любятъ меня и ласково глядятъ на меня.

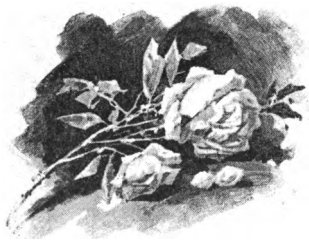
VI.

— Когда я нездоровъ, они приходятъ ко мнѣ и приносятъ маленькій ящикъ съ сушеными лепестками бѣлыхъ цвѣтовъ. Они жгутъ ихъ въ курильницѣ и кадятъ вокругъ меня. И я встаю съ моего одра здоровымъ и бодрымъ. Я вижу ихъ иногда далеко-далеко

на вершинахъ горъ, куда они ходятъ молиться. Разъ бродилъ я въ снѣгахъ Эльбруса. Они шли, не оставляя слѣдовъ. Вокругъ бушевала вьюга, а они, въ своихъ легкихъ покрывалахъ и въ бѣлыхъ цвѣтахъ, шли радостно и спокойно, не замѣчая меня. Шли они на верхъ, все выше и выше. Я долго слѣдилъ за ними. Но потомъ ихъ заволокло снѣжной метелью, и они пропали гдѣ-то тамъ, наверху.

— Значить, это духи? спросилъ я.

— Я трогалъ разъ ихъ одежды, — возразилъ онъ. — Онѣ такія же на ощупь, какъ у насъ, только тоньше и мягче. У меня есть цвѣтокъ отъ нихъ — желтая роза. Онъ такой, какъ и наши цвѣты — только онъ сорванный не

вянетъ, — и ночью его такъ же видно, какъ днемъ: онъ свѣтитъ, какъ свѣтлякъ.

Пока мнѣ переводилъ Туга, Асанъ стоялъ спокойно и смотрѣлъ на говорившаго, кивками подтверждая его слова. Потомъ онъ начиналъ опять говорить, смотря куда-то вдаль, точно и теперь видѣлъ этихъ духовъ гдѣ-то на вершинахъ горъ.

— Они не старѣютъ, — продолжалъ онъ, — они и теперь такіе же, какъ были двѣнадц-

цать лѣтъ назадъ. У нихъ кудри какъ золото лежатъ по плечамъ и глаза голубые. Они говорятъ здѣсь по кабардински, а тамъ, на югѣ, по-персидски и арабски. Имъ все равно, какъ говорить. Они говорятъ по очереди:—одинъ скажетъ, другой договариваетъ, первый совсѣмъ доканчиваетъ рѣчь. — Они протягиваютъ правую руку, когда начинаютъ говорить, и когда кончаютъ—тоже протягиваютъ ее.

— А я могу ихъ видѣть? спросилъ я.

Асанъ задумался, сдвинувъ брови.

— Не могу сказать. Надо у нихъ спросить. Я ихъ увижу и спрошу. Только не всѣмъ можно ихъ видѣть. Былъ священникъ въ Грузіи—Георгій. Онъ хотѣлъ ихъ видѣть.— Я спросилъ ихъ. Они сказали: «да, мы придемъ къ Георгію во время его служенія въ церковь.»—И когда онъ служилъ, они пришли и стали передъ нимъ въ воротахъ. И когда онъ увидѣлъ ихъ, то упалъ тутъ же мертвымъ.

— Кто же знаетъ, что онъ ихъ увидѣлъ? полюбопытствовалъ я.

— Я знаю,—увѣренно отвѣтилъ онъ тономъ, не допускавшимъ возраженія.—А впрочемъ—вотъ они идутъ, смотрите.

Я безъ перевода понялъ его слова. Зрачки его были расширены, онъ стоялъ вдох-

новенной фигурой, въ ореолѣ густой шапки волосъ и указывалъ внизъ сухимъ тонкимъ пальцемъ.

— Идутъ! испуганно прохрипѣлъ Туга, — идутъ!...

Я оглянулся туда, куда они оба смотрѣли, — и въ то же время все закружилось предо мною, завертѣлось, пошли какіе-то круги, пятна, что-то съ шумомъ забило въ уши, и все пропало изъ глазъ — и сіяющая цѣпь горъ, и небо, и Асанъ, и Туга...

Я пришелъ въ себя — и увидѣлъ, что лежу на мутакахъ въ саклѣ. Поручикъ хлопоталъ надо мною.

— Кой чортъ васъ такъ разстроилъ? волновался онъ. — Туга городитъ такую ахинею, что уши вянуть; самъ сидитъ во дворѣ зеленый и пьетъ пятый ковшъ бузы.

Я рассказалъ ему, что и какъ было.

— И охота вамъ тоже якшаться съ ними, возразилъ онъ. — Вѣдь эти всѣ «внушенія», и «демонизмы», и «гипнотизмы» имъ споконъ вѣковъ извѣстны — они вамъ всякую дьявольщину покажутъ — и въ гробъ васъ вгонятъ. Я видалъ ихъ въ Закавказьѣ. Змѣи у нихъ танцуютъ, иглами они себѣ языкъ

протыкають.—А что до этихъ бѣлыхъ мальчиковъ, которыхъ онъ видитъ,—такъ у меня въ ротѣ рядовой Бондаренко бѣлыхъ слоновъ видѣлъ.

Потомъ, когда я оправился, и мы вышли на воздухъ, Туга старался избѣгать меня. Когда же я спросилъ у него:

— Туга, вы «ихъ» видѣли?

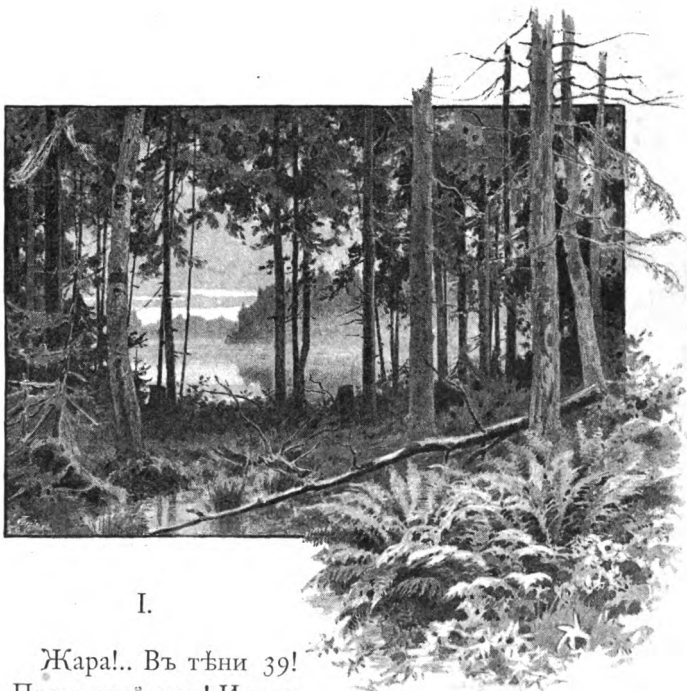
Онъ опять поблѣднѣлъ, махнулъ рукой и отвернулся

1891 г.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

(Страница изъ лѣтняго дневника).

I.

Жара!.. Въ тѣни 39!
Проклятый югъ! И чего
фарисействуютъ эти поэты! «Воздухъ чистъ
и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка!» Во-
первыхъ, поцѣлуй ребенка чистъ только
тогда, когда за нимъ смотритъ нянька,—а
во-вторыхъ — почему здѣшній воздухъ
свѣжъ, когда нечѣмъ дышать? Это раска-
ленная печь, — пещь вавилонская, куда —
увы!—неприходитъ ангелъ, утоляющій жарь.
Некуда дѣваться, — все вокругъ—на пятьсотъ
верстъ — все полно этимъ мучительнымъ,
удушливымъ жаромъ. Что же дѣлать? Куда
бѣжать? Это сонъ, кошмаръ! Вѣдь есть же

гдѣ-ни-
будьпро-
хлада,
возмо-
жно же
гдѣ-ни-
будь
жить?..

Тамъ,
на сѣверѣ, — теперь тоже вечеръ.
Красныя смолистыя сосны стоятъ
въ сыромъ, прозрачномъ воз-
духѣ приозерья. Грудь дышетъ полно,
радостно, ёмко. Подымается снизу си-
ній туманъ и змѣйками ползетъ по кор-
нямъ, распластавшимся поверхъ песчаного
обрыва. На озерѣ тихо, свѣжо — все дрожитъ
и клубится. Далекіе вѣтрила рѣютъ, какъ
сказочныя птицы. Благоухаютъ цвѣты, поетъ
соловей, — а здѣсь?..

На далекомъ фонѣ поружѣвшей и побу-
рѣвшей, выжженной степи стоятъ декора-
ціей горы. Горы тяжелыя, приземистыя, синія.
Изъ степи тянетъ «кизякомъ» — вонючимъ
топливомъ юга. Меланхолически-глуныя
волы лѣниво переступаютъ шагъ за шагомъ
и оставляютъ по себѣ густое облако пыли.
Посмотришь въ степь — точно рядъ батарей
даютъ дружныя залпы: такія бѣлыя облака

кружатся и стоятъ то тамъ, то тутъ надъ дорогой.

II.

Приходитъ докторъ. На югѣ нельзя безъ доктора—особенно на водахъ.

— У насъ—эпидемія, рѣшается онъ меня обрадовать послѣ нѣкотораго молчанія и удивляется, что я остаюсь равнодушнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ,—настоящій холерный случай. А вы вотъ сегодня за обѣдомъ ѣли ботвинью.

— По вашему совѣту—не мѣняю привычекъ.

— Да... но осторожность—это все-таки.

Молчаніе. Олеандры благоухаютъ въ саду своимъ острымъ миндальнымъ запахомъ; мнѣ начинаетъ казаться, что это пахнетъ синильной кислотой.

— Надо быть осторожнымъ, повторяетъ докторъ, выкуривъ папиросу. — Вотъ вѣдь Бармалеевъ умеръ отъ неосторожности.

— Какой Бармалеевъ?

— Холерный, о которомъ я вамъ говорилъ...

Вижу, что доктору неудержимо хочется разсказать «случай». Вспоминаю, что онъ

мнѣ разъ ставилъ термометръ, и въ благодарность—прошу его разсказать подробно.

— Бармалеевъ — онъ здѣшній. Вымочило его дождемъ. Съ дождемъ здѣсь шутить нельзя. Здѣсь, батенька, не сѣверъ—извините! На сѣверѣ помочить дождемъ, и конецъ,—а здѣсь по три года потѣмъ человѣка лихорадка треплетъ.

— Да, здѣсь у васъ, конечно...—соглашаюсь я.

— Ну, вы сами знаете... Но за то здѣсь есть и средство отъ простуды. Вымокшій лѣзетъ на горячую печь, во всемъ мокромъ, какъ есть—и лежитъ тамъ, пока не высохнетъ. Выходитъ согрѣвательный компрессъ всего тѣла.

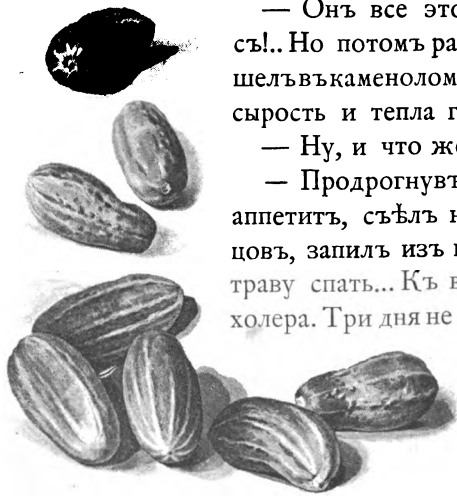
— Отчего же Бармалеевъ?...

— Онъ все это продѣлалъ, да съ!.. Но потѣмъ разгоряченный пошелъ въ каменоломни въ горы, а тамъ сырость и тепла градусовъ семь...

— Ну, и что же?

— Продрогнувъ, почувствовалъ аппетитъ, съѣлъ нѣсколько огурцовъ, запилъ изъ ключа и легъ на траву спать... Къ вечеру сдѣлалась холера. Три дня не посылалъ за вра-

чемъ и на четвертый умеръ.

III.

Соглашаюсь съ докторомъ, что Бармалеевъ дѣйствовалъ неосторожно.

— А вы—ботвинью! еще разъ укоряеть онъ..

Изъ степи тянется караванъ верблюдовъ, запряженныхъ въ арбы. Скрипъ отъ нихъ самый ноющій, раздражающій, жестокий. Точно сотня журавлей, гусей, ословъ и павлиновъ кричатъ одновременно надъ самымъ ухомъ.

— На чеснокъ теперь расходъ огромный! говоритъ мой собесѣдникъ, закуривъ снова папиросу.

— Отчего же это? стараюсь удивиться я.

— Дезинфекція отъ холеры. Барыни даже на груди носятъ, не только въ карманахъ.

— Какая гадость! не выдерживаю я.

Молчаніе.

— Косцы пришли изъ голодныхъ губерній, сообщаетъ докторъ.—Вотъ гдѣ холера-то будетъ, среди нихъ!

— Да полно вамъ все о ней. Квасу хотите?

— На кипяченой водѣ?

— На кипяченой.

— Лучше бы кахетинскаго. А, впрочемъ, давайте.

Пользуюсь случаемъ шепнуть человѣку, чтобы скорѣй сѣдлали мнѣ лошадь и подвели къ крыльцу.

— Да! Загулюшниковъ умеръ! внезапно вспоминаетъ гость.

— Какой Загулюшниковъ?

— А генераль съ камнями въ печени. Впрочемъ, этого ждать надо было. Тутъ ужъ не эпидемія...

IV.

Приносятъ квасъ. Докторъ пробуетъ.

— Холоденъ очень, а, Впрочемъ, что же...

Молчимъ.

— Третьяго дня съ обрыва упала коляска— сажень на пятнадцать внизъ. Лошади пропали совсѣмъ. Переярковъ — изъ Москвы. У него печень встряхнута, у мальчика палецъ вывихнуть; жена отдѣлалась незначительными поврежденіями...

— Еще квасу, докторъ?

— Нѣтъ, спасибо.

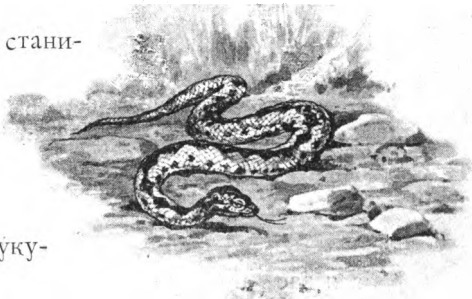
Молчаніе.

— Вы слышали,—продолжаетъ докторъ,— Аксай разлился во время бури и пассажирскій поѣздъ затопило?

Молчу, рѣшившись стоически выдержать медленное поджариванье на огнѣ. Изъ окна вижу, какъ чрезъ дорогу, извиваясь и судорожно подтягиваясь, ползеть гадюка. Докторъ тоже на нее смотритъ.

— Вчера въ станицѣ, — задумчиво говоритъ онъ, — мальчику выжигали рану: тоже гадюка укусила.

Рѣшаюсь выгнать кобру. Долго ли осѣдлать — а онъ возится безъ конца. Но докторъ внезапно самъ поднимается съ мѣста.

— До скорого свиданія, говоритъ онъ, протягивая руку.—Я вечеркомъ приду, чаю вмѣстѣ напьемся.

Молчу. Все молчу, такъ-же сосредоточенно и упорно. Сижу, какъ каменная баба—по египетски—прямо и неподвижно. Закрадывается мысль:—а не обидѣлся ли на меня докторъ? Онъ идетъ унылой походкой къ

двери и, взявшись за ручку, останавливается.

— Да, я забылъ вамъ сказать, говоритъ онъ,—что на васъ старуха Кирьякова въ судъ подала. Вашъ цѣпной песь ее помялъ,—я же ей и свидѣтельство давалъ въ пораненіяхъ.

Я, повидимому, выхожу изъ состоянія квіетизма.

— Вы, докторъ,—вы же и давали свидѣтельство?

— Amicus Plato...—начинаетъ докторъ.

— Да вѣдь это торговка, которая шатается по чужимъ дворамъ. Я для того и держу цѣпныхъ собакъ, чтобъ къ нимъ не подходили.

— Ну, ужъ тамъкакъ судьяпосмотритъ,—а я васъ по дружески предупреждаю.

V.

Въ головѣ бьютъ какіе-то тулумбасы. Связная цѣпь мыслей прыгаетъ въ бѣшеной пляскѣ. Что-то соображаю, но сообразить не могу. Жаръ не проходитъ, дышать нечѣмъ, пыль стоитъ столбомъ, кизякомъ пахнетъ по-прежнему.—Взять развѣ холодную ванну?—Но лѣнь двинуться, лѣнь пройти крытой галлереей до ванны. Вокругъ мухи. Безконечное количество мухъ, но не сѣвер-

ныхъ, а южныхъ. Онѣ летаютъ, жужжать, ползаютъ по лицу и рукамъ. Кусаютъ такъ больно, какъ у насъ онѣ кусаются только осенью. На каштанѣ сидитъ какая-то зеле-

ная птица и, повидимому, очень довольна собою и погодой. Отъ жара начинаю

пьянѣть. Приходитъ въ голову счастливая мысль: а вдругъ хватить апоплексія—тогда, быть можетъ, будетъ не такъ жарко.

Надѣваю для верховой ѣзды гамашу и туго перетягиваю широкой ремень пояса. Я бы предпочелъ болото Елагина острова плѣнительному Кавказу. Мимо, на коняхъ, проѣзжаетъ шепелявый докторъ, съ цѣлой фалангой своихъ пациентокъ. Онъ, кажется, всѣ

женскія болѣзни лѣчитъ верховою ѣздой. Сзади этой вереницы тащится извѣстный путешественникъ. Онъ замѣтилъ меня въ окнѣ и отвернулся. Мы съ нимъ въ ссорѣ. Я-то рѣшительно ничего противъ него не

имѣю, а имѣетъ онъ противъ меня. Онъ, два года назадъ, лазилъ на Араратъ и увѣрялъ печатно, что видѣлъ тамъ развалины

Ноева ковчега. Я усомнился; онъ предложилъ съѣздить наверхъ еще разъ со мною. Тогда я не сдержался и объяснилъ, что Араратъ, о коемъ говорится въ Торѣ, и на коемъ остановился почтенный патріархъ, никогда на Кавказѣ и не былъ, а находился въ Гималайской цѣпи, и что ошибку сію давно уже исправили западные ученые. Тогда путешественникъ счелъ мои слова за кровную обиду, пересталъ кланяться, укоряя меня въ поверх-

ностномъ отношеніи къ жизни вообще, а къ наукѣ въ особенности, но объ Араратѣ болѣе не говорилъ.

Я знаю, онъ теперь хочетъ подняться на Эльбрусъ и непременно сдѣлать съемки. Но въ немъ мною поселена уже нѣкоторая неувѣренность: онъ расширяетъ мѣстныхъ жителей — въ самомъ дѣлѣ это Эльбрусъ, или нѣтъ...

Вотъ идетъ старый генералъ въ разстегнутомъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ. По его жилету можно ясно опредѣлить меню сегодняшняго обѣда въ ресторанѣ: супъ бискъ, курица съ рисомъ, телятина и розовое желе, — все это въ достаточномъ количествѣ имѣется на груди и галстукѣ...

Однако, что же это конюхъ!

VI.

А! вотъ, наконецъ, ведутъ. Мой кабардинецъ вздрагиваетъ и помахиваетъ хвостомъ. Беру нагайку и иду на крыльцо. Конюхъ снимаетъ картузь.

— Овса нигдѣ нѣтъ, обиженнымъ тономъ заявляетъ онъ, мягко, по-южному произнося и,—ей Богу; всю станицу обѣгалъ,—вся рубаха мокрая,—ей Богу!—Есть овесъ за церковью —такъ шелуха одна—горобей клевать не станетъ,—
ей Богу!

Сажусь на лошадь. Тугое азиатское сѣдло скрипитъ новой подушкой. Поворачиваю отъ дома въ степь и сразу пускаю карьеромъ. Кабардинецъ храпитъ и, мѣрно встряхивая гривой, отбиваетъ тактъ по мягкой дорогѣ. Вотъ заборъ конюшни, вотъ оранжерея... Трахъ!

Вдругъ лошадиная голова пропадаетъ изъ моихъ глазъ. Выпускаю инстинктивно стремя и поводья, и думаю—спотыкнулся онъ, или падаетъ; если спотыкнулся — то мнѣ, очевидно, не слѣдуетъ падать; если же онъ

падаетъ, то висѣть на воздухѣ я не могу. Сей мыслительный процессъ совершается довольно быстро, прежде чѣмъ я начинаю отдѣляться отъ сѣдла. Но это отдѣленіе всѣ мои сомнѣнія уничтожаетъ: внѣ всякаго сомнѣнія, я лечу,—при этомъ не вверхъ, какъ птица, и не внизъ, какъ камень,—а какъ летаютъ ловкіе гимнасты—впередъ, описывая нѣкую параболу...

Легу. Пыль въ общемъ—довольно мягкая и сносная, хотя нѣсколько осколковъ щебня неприятно дѣйствуютъ на нервы. Зарождается новый вопросъ: что переломлено—рука, нога или ребро, а, можетъ быть, и ровнoничего? Рѣшаюсь подняться. Кабардинецъ сконфуженно поднимается тоже. Отъ пыли у него весь бокъ и вся морда справа точно мукой обсыпана.

— Что же ты это, а? спрашиваю я.

Онъ вздрагиваетъ и поворачивается къ конюшнѣ. Конюхъ перехватываетъ его.

— Ахъ ты, скотина! Ты это какъ же смѣешь? удивляется онъ и начинаетъ его чистить ладонью.—Ей-Богу, скотина...

VII.

Руку больно, ногу больно. Но не лучше-ли, все-таки, сѣсть и поѣхать? Конюхъ по-даетъ свалившуюся шляпу.

— Вы его, подлеца, хорошенько прогуляйте, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, ей-Богу, а?

Пускаю его опять вскачь. Повидимому, это доставляетъ ему удовольствіе. Боли особенной на карьерѣ я не чувствую, — только дрожать локти и колѣни. Встрѣчные оглядываютъ насъ въ недоумѣніи, — должно быть, хороши мы съ праваго боку.

Солнце садится. Стало прохладнѣе. Иноходью возвращаюсь къ дому.

— Я такъ и думалъ, что вы упадете, говорить знакомый старый казакъ. — Все ждалъ, когда вы упадете...

— Это съ чего же ты ждалъ?

— Правая передняя у него ненадежна. Онъ еще тутъ безъ васъ зимой зашибъ. Я такъ и думалъ, что онъ васъ уронитъ.

Отдаю поводья конюху.

— Что же ты насчетъ правой передней мнѣ ни слова?

— Господи, да почему я зналъ, что вы не знаете? Кабы я зналъ! Мнѣ и то удивительно, что вы такъ скачете. Развѣ можно такъ!

Поднимаю переднюю ногу.

— Да ты перековалъ сегодня?

— Утромъ ковалъ.

— Что жъ ты мнѣ ни слова! Какая жъ этоковка, — вонъ она какъ хлябаетъ.

— Это точно! Кузнецы здѣсь препаршивые...

Иду съ остервенѣніемъ домой: правая нога слушается довольно плохо, рука совсѣмъ не хочетъ подниматься. Сдаю человѣку платье; колѣна въ крови, рука ободрана.

VIII.

Начинается, какъ будто, лихорадка. Не лечь ли ужъ въ постель? А то ходить и сидѣть совсѣмъ неудобно.

Чортъ знаетъ, что такое. И лежать больно. Кое-какъ уместился на лѣвомъ боку. А вѣдь сначала совсѣмъ не больно было.

Стучать въ дверь.

— Войдите!

Докторъ. Пришелъ чай пить.

— Вы печень-то не повредили?

— А я почему знаю...

— Дайте пощупать.

Щупаетъ. Потомъ начинаетъ надавливать ушибы.

— Больно?

— Очень больно.

— Гм... Вотъ на палецѣ здѣсь синева. Свинцовой водицей. А на руку хоть просто бы компрессикъ.

Кладу компрессикъ, посылаю за водицей. Рука ноетъ, нога ноетъ.

— А у насъ фельдшеръ заболѣлъ, ста-

рается меня утѣшить докторъ. — Говорятъ, заразился. Только я полагаю — отъ абрикосовъ

Тукъ! Тукъ! раздается въ дверь.

— Войдите.

Конюхъ.

— Дозвольте за Копеечкой послать.

— За какой Копеечкой?

— За бабой Копеечкой.

Она коровъ лѣчить...

— Да что ты, рехнулся?

— Чего рехнулся. У него заднія ноги вывернуты, — у иноходца-то, — ей-Богу! Началь водить, а у него на составѣ на самомъ все свернулось — ей Богу!

— Какъ же я сейчасъ-то скакалъ?

— Да что жъ, скакать-то на немъ можно, а только вправить надо.

— Ты пошли за ветеринаромъ.

— Дозвольте за Копеечкой. Копеечка намедни какъ хорошо корову керосиномъ натерла...

Мнѣ дѣлается ясно, отчего вчерашній варенецъ отзывался нефтью. Посылаю его за Копеечкой.

IX.

— Вамъ бы нуженъ массажъ, совѣтуетъ докторъ.—Удивительно, какъ у васъ ключица цѣла. Вы очень счастливо отдѣлались. Запишите, сегодня счастливый день. Я, знаете, вѣрю въ дни счастливые и несчастные.

— Я думаю, что я могъ бы сегодня и совсѣмъ не падать.

— Но могли бы и на смерть разбиться.

Тукъ! Тукъ!

Это газеты—только-что пришла вечерняя почта. Передаю доктору журналы, самъ беру за письма.

— Однако, въ Европѣ холера все увеличивается, удивляется докторъ.

Вскрываю пакетъ отъ «друзей».

«...Какъ ты счастливъ на своемъ роскошномъ югѣ,—читаю я,—среди сказочной, волшебной природы. Мы здѣсь затоплены дождями, а у васъ тепло, солнце, цвѣты. Ты живешь окруженный радужнымъ праздникомъ жизни, ѣдишь по благоухающей степи»...

Влетаетъ на свѣтъ лампы изъ открытаго окна мышъ и начинаетъ безшумно чертить взадъ и впередъ подъ потолкомъ. Докторъ ихъ боится и потому кидается къ двери.

Вот лакей и швейцаръ съ двумя половыми щетками и полотенцами. Начинается бѣготня. Наконецъ, мышенокъ падаетъ обезсиленный за мою кровать.

Меня отодвигаютъ отъ стѣны, завертываютъ его въ тряпку и куда-то уносятъ. Докторъ возвращается на прежнее мѣсто.

— Мнѣ сейчасъ говорили, что въ нѣмецкой колоніи дифтеритъ появился,—начинаетъ онъ.

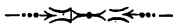
А нога ноетъ все больше и больше...

1892 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

	СТР.
Пустыня	1
Отец	107
Бѣлые мальчики Асана	127
Счастливый день	155

Бумага А. И. В а р г у н и н а .

Цинкографіи Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ

